

Виктор Алексеевич Михайлов

ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА И ДОСУГА

ВИКТОР МИХАЙЛОВ

Сказы

ИРКУТСК
2008

ББК 82.3 (2=Рус)
УДК 821
М 69

Михайлов В.А. Сказы : сборник / В.А. Михайлов; ред. Н.В. Инешина; художник С.А. Мясников; Обл. центр народного творчества и досуга. – Иркутск : ОЦНТид, 2008. – с. – (Серия «Фольклор Иркутской области». Вып.7).

В сборнике представлены произведения самобытного автора Виктора Михайлова. Некоторые его сказы («Сказ про Сокола воителя – мила Светозара») созданы на основе народной традиции сказителей, другие – такие как «Сказ о Байкале» – современное оригинальное видение древних легендарных событий. Сказы написаны ярким образным языком, трогают звучанием напевного ритмического слова, живостью эмоционального соучастия. Книга адресована широкому кругу читателей.

Редактор: Инешина Н.В.
Ответственный за выпуск : Ваховская Л.Г.

© Михайлов В.А., 2008
© Мясников С.А., иллюстрации, 2008
© Государственное учреждение культуры
«Иркутский областной центр народного
творчества», 2008

СЛОВО РЕДАКТОРА

В поселке Большая Речка, что одним боком упирается в Байкальский тракт, другим — в Ангару, месте красивом и приметном, — живет Дед. И не то, чтобы летами древен... В словах его искрится частенько молодой задор, удалой раж, а то и... грусть, но не закатная... Живёт Человек вдохновением. Есть у него про ТО такие слова: «Когда к человеку приходит вдохновение, когда он берёт на вооружение инструмент для воплощения своих замыслов, чувств и мастерства — он вступает в высшую сферу предназначения рода людского, в сферу небесного ДУХА и сам становится его частицей».

Наверно, поэтому, некоторые песни, сказы и сказки, множество пословиц его — говорит нам о чём-то действительно корневом, родниковом, чистом и ясном... о том, что присуще русской душе, да забыла она... силится вспомнить и вот... — находит! В образах святорусских, в мудрости обиденной речи, во всплесках памяти детства! И это всё — в его произведениях!

Человек этот — Виктор Алексеевич Михайлов (Дед). Рассказ его о себе всегда начинается с повествования о детстве. Там, в горько-полынном начале, в сиротском прошлом — истоки его песенно-душевного творчества. Чтобы понять это творчество, истоки живых образов, в нём отраженных, надо вместе с ним оглянуться на пройденный путь и внимательно всмотреться в веки жизни.

Встретился на его пути жизненном, в самом раннем и «израненном войной» его детстве сиротском — чудесный Странник, дед Анисий... Вот как это было: «...Немцы вскоре отступили, потому что повезли меня с другими детдомовскими детьми на Урал. Где-то под Свердловском я вышел из поезда и потерялся. Везде искал своих и не мог найти. Кричу, что есть мочи, а никто не откликается. Вдруг слышу: «Воробышка... Воробышка, иди ко мне!» Тут я и увидел старца с окладистой бородой. Это был слепой дед Анисий. Нищий Странник. Он сгреб меня в охапку и закутал зипуном. Согрел. Покормил. И стал я с ним ходить по деревням, будто поводырь. Только чаще он сам нес меня на плечах, даже когда шли по ухабистым дорогам.

Дед Анисий был каликой перехожим. Пел песни, рассказывал былины. Но встречали его не как попрошайку милостыни,

а почти как святого. В деревнях тогда остались одни бабоньки, выжатые горем и бедами».

Кто же они такие — калики перехожие? Калики — старинное и донныне употребительное в разных частях России название для странников-слепцов, поющих духовные стихи. В Древней Руси слово калика или калека обозначало не искаленного человека, а много странствовавшего и побывавшего в святых местах. Совершив странствование ко святым местам, неимущие калики пользовались особым уважением и нередко оставались уже на всю жизнь перехожими просителями милостыни, которою снискивали себе пропитание. Таким путем слово «калика» или «калека» получило значение нищего странника, а так как Христовым именем питались по необходимости и люди с физическими недостатками, это слово получило свое современное значение человека искаленного.

Но есть одна особенность: в народном эпическом творчестве, в наследии седой древности — «...былинные калики отнюдь не слепцы, не старцы, не «сырые и убогие», каковыми они предстают не только у Н. А. Некрасова, С. А. Есенина, но и в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина, в книге С. В. Максимова «Русь бродячая», в стихотворении 1946 «Слепой» Н. Заболоцкого. Как раз наоборот, в былинах всюду подчеркивается, что ни в силе, ни в удали они не уступают богатырям, а зачастую и превосходят их. Эпические, монументальные образы калик предстают перед нами в былинах «Сорок калик со каликою». Это не убогие странники, а сорок удалых добрых молодцев, которые, проходя мимо потешных княжеских островов и завидя на охоте кн. Владимира: «Скричат калики зычным голосом, / Дрогнет матушка сыра земля, / С дерев вершины попадали, / Под князем конь окарачелся, / А богатыри с коней попадали». Глубоко символический образ Калики-богатыря, защитника родной земли воссоздан в былинах «Калика-богатырь»: «О костыль каликушка опираласи, Высоко каликушка поднималаси, / Поднялся тут каликушка поповыше лесу стоячего, / Поднялся тут каликушка пониже оболочка ходячего, / Прискакал Каликушка ко Пучай речке...». Перед нами совершенно явное стремление создать героический образ калики, поставить его в один ряд с главными героями русского богатырского эпоса. Эта тенденция выделить калик последовательно прослеживается в целом ряде былин. Былина «Сорок калик со каликою» — такая

же апология каличества, как «Вавило и скоморохи» — скоморошества». Калики и скоморохи — единственные, кто оставил в русском эпосе произведения, прославлявшие самих себя» (В.И. Калугин).

Да, неумолимое время, сохранив название, изменило образ «странствующих витязей», как будто умалило свет и героику, а то и совсем лишило... Да не тут-то было: видать, вся эпическая мощь былинных «богатырей-странничков» перешла в силу духовную, в необыкновенную «проникающую» способность их стихов и песнопений, их сказаний и старин, вызывающих из памяти народной образы силы, высокой нравственности, аскептичности, мужества и любви.

Испокон веков бытовала на Руси такая категория людей, жизнь которых зависела от подаяний. С.В. Максимов в своей книге «Русь бродячая Христа ради», изданной в 1877 году, писал: «Ватага слепых — остаток самой отдалённой старины, когда не только не умели класть каменных стен и стрелять из пищалей, но и деревянные стены рубили тупым топором, а про монастыри и Божии церкви совсем не слышали. Ватаги слепцов — явление на Руси самое древнее, и притом такое, которое народ бережно уберёг про себя до наших дней во всей неприкосновенности, чистоте и целостности».

И вот по путям-дорогам Рассеи-матушки, измученной военным лихолетьем, по полям, по стерням, по проселочным дороженькам шли «старый да малый»: слепой калика дед Анисий и немой от контузии сирота-«воробышек» пяти лет отроду..

Послушаем опять В. Михайлова: «Официальные лица его гнали, называли нищим, побродяжкой... Но зато — как встречали простые люди! Какой же отдушиной был он, приход его, для женщин! Мужиков-то не было, их сдула война... И вот придёт он, скажем, в одну деревню, а из другой соседней за ним уже телегу посылали: уж прослышали... так чтоб и у них погостил... Всяко его переманить к себе хотели... И вот в деревне нет ни хлеба, ничегошеньки лишнего — всё война поела... А и тот, что был — крохи... Всё ж тогда мешали со жмыхом, с травами. А уж про сахар и говорить-то нечего: по всей деревне — ни слухом, ни дыхом... Даже соль как-то из трав добывали. А дед придёт, а ему на лоскуточке — кусочек сахара ! Откуда?!!! Хлеба нет, но ему — вдруг и хлеб подают! И соль... В домах его ЖДУТ! Дед Анисий заходил в каждую избу и начинал петь. Народу... бабонек

соберется — полный дом! Кто со слезьми, кто просто послушать: ждут слово его, слезу утешающее. Дед утрет бороду, поглядит на бабонек (а шубу-тулуп да шапку мохнатую положит рядышком). Достанет какие-то рамочки-раскладушечки со струночками: там что-то воткнул, тут подвинтил — и... водит по ним: как бы гусли. И вот — идет зачин... Как ему удавалось передавать такую глубину своих чувств?... Всё передавать! Горюшко... — оно сквозит во всем: в интонации, в слове, во взгляде, в мимике: «Что ж ты, Пелагеюшка, разводишь горькую слезу... Глянь, тучи темные... Гляди-кась, Пелагеюшка, сокол твой ясный поднялся... Ой, да защитил он твоих детушек, галчат махоньких...» И Пелагеюшка, замученная, распрямлялась. Свет в глазах появлялся. Гордостью плечи, как крыльями, разворачивались. Надежда пробуждалась. А дед Анисий все пел и пел. О женщинах-страдалицах он много пел. Каждую беду прозревал и начинал выпевать-выводить. Бабонька вдруг начинала голосить, причитать... и что самое чудесное — начинала вторить ему — в духе его напева...

Да как же ж сына моего
Родного моего...
Ты погляди-тко на эти лепесточки
На мои слёзыньки...

И, между прочим, женщины... Вот едем на телеге, и они всегда поют... но всегда-всегда очень-очень грустные песни... Мне было 4—5 лет, а и то слеза крутилась... И что удивительно: ведь они никогда не сочиняли, не учились писать стихов, они не поэты, не литераторы какие... Но как начнет ... как начнет выражать свои мысли, душу в плаче-речении ... откуда эта образность берется, откуда эти метафоры?! Это у них в природе, в крови ... Даже когда они между собой просто разговаривали — и тогда могло пойти вдруг потоком слово красное, какое-то духовидное... — причитанием ли, плачем ли, видением ли...

Однажды подошли к речке. Дед Анисий присел и говорит: «Воробышка, вернись к тетке Матрене, попроси чистое белое полотенец». Я побежал в деревню, а там сразу всполошились. К смерти это. На берег пришли, а дед Анисий уже неживой. Так и умер, прислонившись к дереву. Ледоход как раз на реке начался.

«Год странствий с дедом Анисием, как я теперь понимаю — самый счастливый год в моей жизни», — продолжает Виктор Алексеевич, — Нигде и ни с кем мне не было так хорошо, как с

ним. Питались, кто что подаст, а голодными никогда не были. Наверное, потому что нищему и скорлупа — яичко. И, видимо, дар мне какой-то дед Анисий передал. Все от него. И то, что я занялся писательством. И страсть к путешествиям. И даже песни пою, как он...».

* * *

Более 50 тысяч пословиц и поговорок (это больше, чем в словаре В.Даля) сочинил самобытный писатель из Большой Речки. О его афористическом творчестве добрым словом отзывались иркутские ученые, были доброжелательные отклики в прессе. Но в «творческом ларце» сказителя есть и песни, стихи, сказки, сказы, былины и старины. Самая большая мечта в жизни писателя — издать все свое литературное наследие.

И вот «Сказ про Сокола воителя — мила Светозара», «Сказ про купецку дочь Алёну да про оборотня Стеньку Разина», «Сказ о Байкале» — представляются на суд читателей. Из них сказ о Светозаре — произведение, наиболее всех воспринявшее дух и строй русских старин. Поэтический строй свидетельствует об основательном знании русского фольклора, истории славянской мифологии. Но главное здесь — всё-таки то, что придаёт неповторимость: язык образов! Сказ, Ладо Светозарушко... от этих слов веет такой седой древностью, что у большинства людей возникнут ассоциации, уводящие в область давних времён легендарных сказителей, традиционных народных образов, исконного русского языка. Совершенно очевидно, что процесс создания сказа был для автора естественен, органичен, не вымучен, потому что читается на едином дыхании, завораживая магией напевного ритмического слова, живостью эмоционального соучастия. Учитель русского языка и литературы Большереченской средней школы Елена Петровна Ваганова явилась организатором первого опыта публичного чтения сказа в школьной аудитории. Она видела, как слушали старшеклассники, что отражалось на юных лицах, каковы были их глаза... А было в этих глазах живое сопереживание глубоким человеческим чувствам и состояниям: любви и нежности, гордости и боли...

«Женский голос в личном рассказе-воспоминании возвышается до высокого патриотического плача о судьбе Родины, её защитников и осиротевших детей, жён, возлюбленных. Можно представить, насколько актуально звучал этот сказ в годы Великой Отечественной войны, да и сейчас, когда мир переполнен

трагедиями войн горячих точек, он не утратил своей значимости. Озорной насмешливостью и человеческим достоинством наполнены строки троекратного «выторговывания» любви Светозара поповной, боярыней и купчихой. Захватывает своей искренностью сцена прощания-плача Марфеньки и Светозара. Сюжет сказа традиционен, но в то же время звучит по-новому. Прочитав сказ Виктора Деда, понимаешь, что вопреки всем новоявленным веяниям «эротической» литературы о земной любви можно и нужно говорить возвышенно, чисто и поэтично.

Слушательская реакция старшеклассников убеждает в том, что произведения В.А. Михайлова заслуживают внимания и публикации в массовых изданиях, так как служат делу воспитания нравственности, языкового чутья красоты и патриотизма читателей» (Е.П. Ваганова).

Два других сказа настоящего сборника – «Сказ про купечку дочь Алёну да про оборотня Стеньку Разина» и «Сказ о Байкале» – более современны по языку. В них является новым для читателей необычное видение давно известных фольклорных сюжетов и героев, причем, новизна и свежесть этого взгляда и определяют оригинальность произведений.

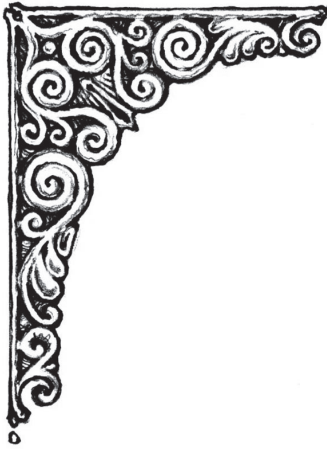
Сказы созданы в век компьютеризации, а их автор, несмотря на почтенный возраст, является нашим современником. Отличает его от окружающих, прежде всего то, что возрождение интереса к родной культуре для него не просто слово, а дело всей жизни. В этом сама сущность: умение и способность делаться живым звучащим проводником народной памяти. «Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков» (Г. Федотов).

Литература:

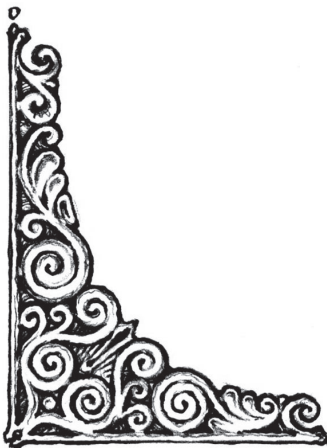
Нехаев О. Ангарский самородок Виктор Михайлов сочинил более 50 тысяч кратких истин // Рос. газ. – 2005. – 8 июля – (Неделя №3815).

Калугин В.И. Калики переходящие // Большая энциклопедия русского народа [Электронный ресурс] / Институт Русской Цивилизации. – Режим доступа: <http://rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=4382>

Н. Инешина

**СКАЗ
ПРО СОКОЛА
ВОИТЕЛЯ –
МИЛА
СВЕТОЗОРА**

Ай, не ивушка
По над реченькой
В непогодушку
Посогнулося —
Посогнулося
Ко земле сырой,
Что те радуга,
Спинушка моя.
Ай, не белы снеги
Позакрыли долушки —
То головушка моя
Запорошена
Белью белостью
В два на десять
Юн годочков.
Ай, не мать-земля
На бездождичьи
Вся пожухлося

Да скукожилась —
Раным-рано,
Не в годиночку
Старо-ветхую
Всё лицо моё
Источилося. —
Иссушила мя
Зла тоска моя
Да кручинушка.
Только тем жива,
Что во младости,
В час девичий свой
Счастьем полнилась.
И до нынева
Угольком горит,
Теплит, светит мне
Память сладкая,
Счастье младости
В сыне отроке.
В нём одном лишь ён,
Кто и в смерти жив,
Кем и я жива.

* * *

Как да был да у меня,
У меня в девичестве
Во поры во давние,
Что те во недавние
Сокол ненаглядный мой
По прозванию отецку —
Ладо-Светозарушко.
Как по утречку с позрану.

Толь начнёт лить свет Ярило,
Выйдет на поле мой сокол,
На росяны травы станет,
Пораступит на ширь стопы,
А что стопочки плетёны —
Рыси мехом высланы:
Ту зверину в лесодрёмье
Изловчился ён вспоймать,
Как она ему на шею
Прыганула с кедрача,
Распустив булатны когти,
Пасть расщерив.
Прянул парень чуть в сторонку,
Что те белка на прыжочке,
Подсогнул чуточек плечи —
Ухватил её в полёте
В по за бок за задни лапы
Да и треснул бошкой об пень,
Раскрутившись в круговерти...
Мне хватило на оплечье,
Самому — на стопочки.
Встанет друг мой при дороге,
Светозар у ржи стоячей —
Оглядит окрест Отчины —
Любо любованное...
Красен молодец в холщёвой
В бел рубашечке с хрусцою,
С опоясочком в обхват...
Встанет этак ён могутный,
Руки на ширь пораскинет —
На пол-небушка в обхват,
Что те крылья распластает,

Запрокинет русы кудри,
Первым огнищем Ярилы
Голову омоет
С бородой волнистой пряди —
Ждёт-пождёт, когда Ярило
Ночи мглу прорежет алым
Язычком, лизнёт слепящим
Лес стоячий по верховью,
Холм, воителей в нем спящих,
По колосьям разольётся
Молоком струёю рдяной,
Самого лоханью света
Окатит да так-то красно,
Ровно ён, мой Светозар,
Не земной — небесный житель;
Толь Перунова посланник,
Толи — Световидова,
А не то ён Самого
Ярилы-солнца вой небесный...

Я стою. Гляжу. Глазам не верю —
Нешто этот в самом деле,
Чудо-прелесть, что в виденьи,
Не со звёзд спустился наземь,
А как есть — мой друг сердешный,
Плоть от плоти — Светозар?!
Аль не в этих русых кудрях
Я купалася ночами?
Аль не этими руками
Во ладонящих своих
Поднимал меня былинкой —
К звёздам ввысь подбрасывал
И ловил, смеясь, в охапку,
Чудом чудно гогоча —
Аль не ён?!
И рубашечка холщёва
В понизовии до пят
Красной нитью со узором,
Что в дивишниках сама
Вышивала я для лада;
Опоясочек к рубашке
Изукрасисто плела...
Не моё ль то до кровиночки?!
Нешто всё, что есть на нём,
Не моих то рук работы?
Всё, что есть в нём —
Не моё ль в усладу сердцу,
Не мои его заботы
И тревоги — не М О И??!!
Поглядите! Полюбуйтесь
На мового Светозара!!!
Вот стоит ён при дороге,
Что те кедра махова...

С озорства ён
Вдруг ка-а-ак свистнет
Да как гикнет молодцки:
Здравствуй!
Здравствуй, Свет-Ярило,
Сура-Солнышко, Владыко!
До сыра земли тебе
Свете-матушки поклон!
Живота, Владыка, здравствуй!
Мы к тебе с надеждой,
С чаяньем, с заботушкой:
Вдосталь нас теплом и светом
Напой, будь щедр, Ярило;
Чтобы семечко в росточек,
Чтоб росточек в колосочек.
Колосочек в зёрнышко —
Нам на сыть, тебе на славу!
От того ли посвиста,
От того ли покрика
Со поля широкого,
Что из края в край
Вороны в разлёт.
Да по всей по улице
Девки настезь выставят
Створы нараспах.
Да во те во створочки,
Створочки косявчаты
Шеечки повытянут
И глядя-я-ят, гля-я-ят, гля-я-дят...
Сьти нету глазонькам,
Нет покоя сердушкам —
Каждой деве сластиться
Ён в мечтанья их.

* * *

Дочь попова со крылечка,
Осенясь крестом святым,
Молодца терзаньем грешным
Сердце чистое изводит —
Трудно жалкой совладать
С искушеньем страсти,
С милым Светозаром...

И боярыня с перстнями
Ко груди приложит пальцы,
Покрик молодца услышав,
Всколыхнётся вся, дрожит.
Так бы птицею вспорхнула
Да к любезну соколу
Грудью б тощею прильнула б
Во одном дыхании.
Уж давно её сердешко
По нему исходит соком
Даром, что не нашей стати,
Не холопской косточки.
Так оно давно известно:
Сердце всхочет: вынь-положь...
Будь ты с самого низовья,
С под седла ты будь супонь,
Ликом будь ты страх-обрыльим —
Сердцу дай, а там... хоть смерть.
Раз приспичило, так надо —
Мудрость с сердца не взыщи.

И купчиха, вот бесстыжа:
Бочка-бочкой, а туда же,

Что яишко в сковородке,
Растекается в улыбке,
Глазки строит, умиляет —
Вся увесится в брильянты,
Сладкой речью зазывает... -
Зря старается купчиха:
Как не сиживать кукушке
Во своём гнезде на яйцах,
Так и сокола мового
Никому им не ласкать,
Не испить им той услады
С ширь ладоней Светозара,
Что ён в пригоршне широкой
Ко устам моим палючим
С родничка хрустального
С лаской подносил.
Не сидеть им пташкой малой
Во гнезде могучих рук. —
Как возьмёт меня мой сокол
На обхват да вздынет в высь —
Я крылата! Дух небесный!
Я лечу-у-ууу! Лечу-у-ууу! Лечу-у-ууу!
А посла к груди широкой
С милой лаской поприжмёт
Да и сам ко мне угнётся —
Бородой щекотно ластит,
Улыбается. Урчит.
Губы что-то непонятно
Родничком журча-а-т, журча-а-ат...
А в глазах-то-о-о! А в глазах!
Солнце жаркое пылает,
Небо лаской нежит дух.
Как светло нам было вместе,

Краше красна!
Чудо дивованное.

* * *

Ай, вы зори, что закатны,
Нас встречали светом ласки...
Ай, вы зори, что восходны,
Провожали песней пташек —
Вас ли, зореньки, избыть?!
Пересуды, оговоры
Всех суседушек спорядных,
Что мне, что до них? —
Светозар мой мне лишь всё.

* * *

Мне попова дочь пригожа
Тихим пошептом молила,
Крест целуя, говорила
Таковы слова:
— Ах ти, ах ти, искушенье!
Плоть слаба, а Бог-то вот Он...
Всё бы я за Светозара
Отдала б, чем овладаю:
Душу, тело, свет-невинность,
Волю, честь и послушанье...
Для услад твоих телесных
Дам тебе я тышшу,
А небесной благодатью
По моей молитве слёзной
Бог ты наградит.
Что ты толь не пожелаешь,
Для тебя со всем покорством
Я соделаю безропно.

Все грехи я на себя,
Все твои возьму,
Замолю — спасешься ты.
Будут матушки страшенья,
Будут батюшки проклятья,
Строгие епитимии —
Всё снесу я, всё приму
За единый миг услады,
За одну лишь ночь быть рядом
С неноглядным со твоим...
А и то, возьми ты в разум,
Свете-Марфа, веру вашу:
Ваш Сворог вам позволяет
Во гнезде своём иметь
Что при муже жён, сколь всхочет,
То и жёнам не в остуду
Не с одним жить соколом —
Было бы жреца согласие
И достаток при себе.
Мне ж отрадой до могилы
Ночка эта в грёзах будет.
Уж позволь ты мне, позволь,
Марфенька, на малый час
К Светозару мил приткнуться,
На одну лишь ночь до зореньки
Мне отдай души желанна,
Волюшки моей последний час...
Там-уйду я в монастырь.
Все грехи твои покорно
На себя приму с мольбою,
Все — и ты спасёшься...

— Что ты? Что ты, дочь попова,
Несуразное городишь?!
Нешто я продажна девка?
Гулеванная остуда?!
На што мне твои все тышши?
На што мне твоё моленье?
Али ён, мой Светозар
На тебя меня сменяет?
Эко, надо же придумать...
Как язык твой повернулся
Срамоту такую несть?
Что ты, девонька, окстися...
Чтобы я милого друга,
Светозара, хоть на миг,
На чужие на объятя
Отдала бы, как щенка?!
Уж на что ворона-птица
Всем воителям мерзка и та
Лишь с одним своим гнездиться
И волчица не с двумя.
Ты же в сердце мне такое...
Что я? Сука? Побродяжка?
Чей кобель свой тычит нос
Чуть не к каждому хвосту?
Не видать тебе, поповна,
Светозара моего.
Мне мои грехи все с милым
Светла солнышка светлей,
Чем твоя облыжна святость.
Мой ён был, мой есть и будет.
Никому, кроме смерти,
Никому и николи

На единый миг для вчуже
Светозара не отдам...

* * *

Не успела от лисицы
Отряхнуться, глядь — волчица
Шерсть щитинит, скалит зубы,
Взглядом василиски прожигает. —
То боярска дочь вельможна,
Спесь разумши, молит жарко,
Так-то жарко, что скотину
Худ хозяин беспощадно
Во хмелю бьёт чем попало.
Так она мне в злыдь сквозь зубы:
— Ты-ыы, холопская чернавка,
Сметь не смей перечить мне.
Супротив меня — высокородной
Суть дворянки столбовой,
Кто ты есть, чтоб прекословить,

Быть со мной одною стати?!
Кто ты?!
Ты всего лишь дочь отца,
Что у нас во псарне служит.
Благодарствуй, что на равных
Я вот так с тобою баю.
Хоть оно-то невместимо
Мне с тобою речь вести,
Да меня чать не убудет
Для твоей же пользы.
Слышишь?!
Отступишь от Светозара!
Попотешилась и будет.
Супротив него ты кто? —
Дворяжка.
Не твоего ён полёту,
Сук ломашь не по себе.
Отступишь по доброй воле
От того, кого не стоишь.
Твой отступ тебя по-барски,
Я по милости воздам.
Дам тебе жемчужин бусы,
Что всем девкам в загляденье.
Дам тебе нарядов барских,
Что и году не вздевала.
Вот кольцо, вот ожерелье,
Вот бухарские шелка...
Твоего отца возвысит барин.
Только отступися, девка.
А и то, сама подумай,
Ён с тобой век нищим будет,
Век в мазолях да в нужде.

А со мною будет вскоре
Господином вольным править —
Все вы будете под ним.
Если ты разумна, девка,
Если дорог ён тебе,
Дай судьбу ему иную —
Быть владыкою столбовым
Вотчины — державным.
Развяжи ему ты руки —
Отступиися от него.
Вам обоим то в прибыток,
Лепота украсиста...

Уж она меня строжала,
Словом грозным понужала,
Чтобы я-то да от сердца,
Что кусок сырого мяса,
Друга мила — Светозара,
От себя бы оторвала,
Отрешилась от него
По её господской блажи
Положила б ей на грудь
То, что мне дороже жизни,
Без кого мне я — не я ...
Как она меня, холопку,
По её словам — чернавку,
Бишь отбросовую девку,
Как меня со спесью
Барской лаской улещала,
В перемежь со страсткой ножкой
В зло потопывала.
Я перечить ей не стала,
Что мне с барыней тягаться...

Как положено стояла:
Руки на груди скрестив,
Голову склонив смиренно,
Очи долу опустив,
Чтоб глаза не выдавали,
Всё, чем сердце полно,
Не ошпарили б её
На лихую на беду.
У господ известна воля —
Потоптать чужую долю
Во своё довольствие,
На свой барский кус.
Ну да что нам — мы привычны
Перед ними спины гнуть —
Чать не сломится хребтина,
Пусть её куражится.
А любезного своего,
Светозара милого
Не за барские наряды,
Ни за жемчуги, ни за што
Не отдам я ни коли
Никому на белом свете:
Ни поповне на усладу,
Ни боярыне в утеху...
Нешто можно по хотенью,
По чужому по желанью
Сердце девичье повынуть
Да от мила отрешиться?
Футы-нуты, отвязалась
От матёрой от волчицы...
Никогда тому не быть —
Светозара мне избыть
По корыстью окоянства...

* * *

Ой вы зори, что закатны
Нас встречали светом ласки.
Ой вы, зори, что восходны,
Провожали песней пташек,
Вас ли алые забыть?
Что мне гожество без мила!
Всё постыло без него.
Сарафаны мною сшиты
Из холста белёна льна,
Вышиванием расшиты
В посиделках у окна,
У лучинушки с песнями,
Что зимой под смех подружек,
Ахов, охов при рассказнях,
Под весёлые игрища —
Мне мои поддёвочки
Всех господских разнарядов,
Красным красны мне они;
Шолка, бархата дороже —
Светозару, другу тоже...

* * *

Открестились от поповны,
От боярыни ушла,
Как вот на тебе —
Купецка со медовою улыбкой
С тем же липнется ко мне:
— На, грит, Марфенька, камня,
На коров и всяку живность...
А взамен мне Светозара
Ты отдай. Себе другого

При обличии твоём
Ты найдешь.
И на подушку,
На твою на вышиванну
Две головки покладутся.
Что те мухи, на поживу,
Женихи к тебе слетятся —
Выбирай из них любого,
А не то, так всех бери.
Мне ж отдай ты сокола,
Завсегда со мною около
Был бы яхонт мой.
Я ж тебе ешшо за енто
Дам хоромы за незашто,
За пустяк — за Светозара:
Вся цена его — подкова,
Что коням ён подбивает.
А тебе товары красны
В досталь дам, не поскуплюсь —
Сладко, девка, станешь жить.
Ну же, мила, не упрямясь,
Соглашайся стать купчихой. —
Ни коли нужды не ведать,
Мёды с калачами пить.
Не в холщёвых сбруях энтих —
Обрядишься в бархат ты.
Слуги станут бородами
Во поклонах пыль сметать...
Да на што сдалась ему ты
Со своей дырявой голью —
Экая пасконь!
А со мной ён сытым будет.

А со мной ён будет в холе,
В золоту парчу воздену,
Златогрива дам коня,
Денег полны сундуки
Во владение отдам.
Перестанет в кузне маять,
Лошадей чужих ковать.
Во таком богатстве вскоре
Ён забудет про тебя.
Да и ты в своих доминах
Век одной не прокукуешь —
Кто-нето к тебе прибудит
На твою купецку долю.
Твой товар не залежится —
Будешь, Марфа, на расхват
Вскорь утетишься ты в сласти
Красной долюшки купчихи.
Эко счастье тебе в руки
Из моих щедрот плывёт.
Соглашайся. Не упряйся,
Не дури с судьбой своей...

Что те боров, наступает
Дочь купецка на меня.
Упрошает, умоляет —
Голосочек-патока.
Вот отдай ей да и только,
Что ката, из руци в руци
Светозара моего.
— Тьфу ты, тьфу ты, стынь лядяца,
Эк бесстыжая скареда...
Подь от сель, охолонись.

Чтоб тебе я разлюбезна
Мне милого Светозара
Обменяла за посулы,
За коров, за сыто брюхо?!
Аль ты спятила? такое
Несуразное городишь...
Чтоб я сокола желанна
Да за сало променяла?
И кому? Тебе, вороне,
Что лишь падалью живет
Да слезами сырими
Набивает сундуки??
В золотой своей казне не зришь
Горя вдов да малых деток.
Не хочу твоей я доли,
Доли сытой, да скабрешной...
Светозар мой не восхочет
С под руки твоей дебелой
Яства-сласти принимать.
Что ему твоя халёность,
Что ему твои амбары,
Да перины потные.
Ты сама ему в остуду.
Как блоху не оседлать,
Так тебе в узды не взять
Мила Светозара.
Никогда и никому
Ни за что не променяю
То, что мне дороже жизни,
Что самой меня дороже.
Им я, соколом своим,
Им я только и жива.

* * *

Хорошо нам пелось вместе
С другом, милым Светозаром,
Светло-красно нам гулялось.
Мы блажили — счастье вечно,
Нет на счастье, нет управы,
Как предела нет у солнца
Так заграды нет у счастья.
Да не всё, как хочется,
Что придёт — не спросится,
От судьбы не спрячешься —
Нет щита в беде.
Как заявится в ворота
Лихоманка — на порог
Да без опричь в дверь ворвётся —
Всех затворов не накинуть,
Всех запоров не сыскать.
Хочешь, нет ли, а беда
Обоймёт и в бездну дна
В омут горя бросит —
Счастья свет погасит.

* * *

То не туча солнце застит,
Темью темь пришла не в ночь
С хищной пастию беда —
Света бела не видать.
Не скотина гулеванна
Хлебы топчет — на земь сыпит
Пот ярёмный ратая —
Живота зерно.
Не зверина с рыком рыщит

Сласть поживы на лугах.
Эвон ворог, лютый ворог,
Татю крадучись ворвался.
Восхотел собака-нечисть
Русь святую полонить,
Русский дух сломить.
Всколыхнулась Мать-Россия,
Подпоясалась мечом,
Грудь кольчугою покрыла,
Оперлася на копьё.
— Гой, дружинушка хоробра,
Плеч к плечу да меч к мечу!!!
Хоть костями, а на родимой
Сурь-земле нам почивать.
В чуженинушке с покорством
Нам рабами не бывать.

* * *

Куда ж? куда вы, молодцы,
Куда коней седлаете?
Куда вы, на ночь глядячи,
Поспешно собираетесь?
В покосах травы жухнуться,
Хлеба слезами сыпятся,
Где толь не ткнёшься мордою,
Работ в непроворот.
А вы? — айда в намёт...
На баб, на малых детушек,
На стариков повыжатых,
На плечи дев-молодушек
Нужду и тягла ратая
Бросаєте с плеча.

На горе неизбежно,
На слёзы горько-солёны,
На жизнь в нужде сиротскую
Пошто вы оставляете
Отечески дворы?
Вы — матицы державные
В домах — пошто ломаете?
Без мужиков, без молодцев,
Какая в доме крепь?
Волчиц вы нешто вскормыши
Иль вас растили нелюди,
Иль вы срамные нехристи —
На шее нет креста?!
А кто Сварога воины —
Перуну кто сыны?!
Куда ж? куда вы, молодцы?
Что мы здесь без вас?

* * *

За что? За что ты, батюшка,
Бранишь, покоришь молодцев?
Не выправши, не визнавши,
Ругашь почём всех зря?
За что? — Ответствуй, батюшка.
Трава в глазах стоячая?
Слезу роняют колосы?
Да горы необручные
Для плеч, для наших молодцев
Полным полно работ?
А ты глаза разуй, кося —
Вдали вон видишь высверки?
Нагнись. Послушай землюшку...

Сама земля бьёт в колокол:
— Беда! Беда! Беда!
Пошто прозвал нас нелюдьо,
Отдал волчицам в вскормыши
И наше православное
С груди с крестом сорвал?
Перуна добрых молодцев
Лишил на нет надежд?
Как нам стерпеть то, батюшка?
Идучи, на ночь гляючи,
На смертный ратный бой
С собакой-злыдней, с ворогом,
С поганым басурманином
За нашу Мати-Русь?!
Оно придётся, батюшка,
Когда беда нагрянула,
Бразды взять бабам ратаев,
Волами ухайдакаться,
Излить ярёмный пот.
И нет в беде неравных,
Нет нежных белых крылышек —
Все в мужиках ходи.
Иначе не спроворимся
Без вашей, старый, помощи —
Да знаешь всё ты сам.
Рукам вы нашим ноженьки,
Груди вы нашей — сердушко
И чайные головушкам...
А ну, как малых детушек
И дев всех враг лебёдушек —
А ну, как полонит?!
Так дай же, дай благословения

Да не забудь наказа строгого
Да не в пронос-совета мудрого,
Как нехристя поганого
Своею малой кровушкой,
Собаку исхитрить?
К порогу дома родного
Чтоб зверя не впустить,
Изгнать на нет врага!
Дай слова мудрого.
А нас ты не хули.

* * *

Ай не ястреб со высот
Ринул чёрной молоньёй —
Распушил булатны когти
Басурманов супостат.
Ай не мать с груди
Бело-аленькой
Отняла дитя
От усладушки.
Оторвал меня со своей груди
Сокол мой — Светозарушка.
Ай не звёздочка неба синева
Покатилась — в море канула.
По щекам моим за слезой слеза
Друг за дружкою,
Вслед - вдогоночку
Горем плачется, болью тешится.
На последний час Светозар — свет мой
Мне ладонюшки
Бражным ковшиком под мою слезу
Вдруг подставил ён.

Та слеза искрой
В каплях рушится —
Не капелечкой —
Половодием.
Ту слезу мою
Ясный сокол мой
Полну пригоршню
До краёв собрал.
Ён ладонищи со слезой моей
Высоко поднял ко устам своим.
Горьку пригоршню
Бражным ковшичком
И, что мёд в пиру,
Осушил до дна, не поморщившись.
И свою слезу, лишь единую,
Жарко огненну
Ён вложил в ладонь.
Не для крепости —
Сердце в стонушке
Да восплаколось.
Ай скупа слеза,
Дорога слеза —
Нету ей цены,
Крепче нет её,
Чем она — слеза
Светозарова.
Нету ей цены,
Хоть всё золото
На весы положи —
Перетянется
Та слезиночка
Мил — сердешная.

И сказал ён мне
Таковы слова,
Таковы слова
Заповедные:
— Сколько было их,
Бражных ковшиков,
Не сровняться им
Со последнею.
Буду помнить я
Эту чарочку,
А что горькая
Со кровиночкой
Боль сердешная
Милой ладушки.
А ещё сказал
Светозар-то мой
Таковы слова
Непроносные.
В каждом слове том
Нестерпима боль,
Калена стрела
В сердце толчится.
Что те вран клюют
Белу грудь мою,
Белу грудь мою,
Те слова...
Ох, не слышать бы
Мне во весь свой век
Тех последних слов,
Слов болезненных.
Будто сердце всё
Льдом покрылося,

Обморозилась
Вся душа моя.
Вот они — те треклятые,
Вот они — окоянные.
Вот они — те слова:
— Свете-ладушка,
Не судьба нам знать
Свить гнездо вдвоём,
Счастьем полниться.
Не судьба ратать
Бело полошко,
На том поле нам
Сеять ладушек —
Милых детушек
Частым ельничком,
Ростить, вскармливать
Да на ноженьки
Резвы ставливать.
Не судьба нам знать...
Ай вспашу я, вспашу,
Ай вспашу со плеча
Бранно поле мечом
С булавою в сподручь
Да засею на ширь
Яровой головой —
Яровой головой
Басурманина.
Свете-ладушка,
Мила Марфенька,
Нам иную с тобой
Долю розную
Указала судьба, зла разлучница.

Не тебе знать быть,
Свет-желанная
На последний час
Моей жёнушкой.
А и быть женой
Моей верною
На последний час
Гостю недругу
До сыра земли
С ним любиться мне
Пикой острою,
С ним ласкаться мне
Светлой сабелькой,
Каленой стрелой
Басурманов лоб
Стану я лобзать,
Целовать уста
Кистинём в отмашь,
Белым дождичком
Зубь чтоб сыпалась —
Не скусал бы ён
Землю-матушку.
Не твою я грудь
Обнажу на ночь
На последнюю —
Неисходную.
Не твоей красой
В полнолуние
Залюбуюсь я
Зачарованно.
Обнажу я грудь
Мила-ворога,

Обнажу мечом,
Всласть мил-жёнущкой
Уложу в постель
Поля бранного.
Что ни ворог нам,
То невестушка.
Алой лентою
Впоперечь и вдоль
Та невестушка изукрасится.
Пикой острою
Стану рёбрьшки
Щекотать-чесать,
Пусть потешится.
Сколько станет сил
Буду их любить,
Буду их любить —
Крепко жаловать.
Не обидится
Гость незванный наш,
Что на пиршестве обнесли его
Чашей бранною
Поля ратая,
Мать сырой землёй —
Ешь, сколь влезется...
Изопьёт до дна
Чашу полную
Мёда красного —
Хмеля жгучего.
Удовольствую,
Чем ни попадя —
Зверя зверю в сыть,
Воронью на сласть.

Ты уж, Марфенька,
Сердцу милая, не кори меня,
Что в последний час
Мне не ты любя —
Дорог, мил мне пёс,
Супостат-злодей
С ним я брачну ночь
Проведу, а там,
Что уж сбудется — не минуется.
Буду жив — приду,
Назовусь отцом
Наших детушек,
Будешь нам ты всем
Ладой-Матушкой
Ну а если вдруг мне придётся лечь
С гостем недругом
В сласть объятых,
Так тому и быть —
Не взойдет к тебе

На порог твой враг —
Не восплачешься
Полонянкою.

Таковы слова
На последний миг
Светозар сказал;
Подхватил меня,
Поднял в высь к лицу,
Ко груди прижал,
Сердце мне обжог
Целованием.
Всем поклон отдал —
Был и нет его.

* * *

Ай, не черны тучи полуночные
Да не буйна обморочь полудённая,
На святую Русь нашу вольную,
На луга да на медвяные,
На то поле оратая
Ворог татью в ночь
Прянул из степей.
Тьмою тьма,
И не счесть их всех
Ни по шапкам их мохнатым,
Ни по мордам всех коней.
Эвон, сколько по округу
Этой чёрной саранчи —
Налетело туча тучей
Взглядом не окинешь.
Что голодный зверь,
Сьти рыская,

На конях борзых —
Наскочила вдруг
Рать несметная;
Тут же спешилась.
Разожгли костры,
Что те звёзд в ночи:
Ждут — пождут
С нетерпением кровожадным
Первый луч зари —
Страсть, как хочется
Сладкий кус урвать
Со чужого со стола
Пирования...

* * *

Раным-рано по утру
Первый луч пропел зарю,
Как на поле,
На тым ратном
Друг со друг сошлись
Со стеной стена:
Наши молодцы
С вражьем полчищем.
На святой на бой
За Отечество.
Чёрным лесом непроглядным
Враг глядится по угорам.
Ятаган, кривая сабля,
Пика острая, аркан,
Да ещё — когтистость пальцев,
Да ещё — свирепость зверя,
Алчность — Русь поработить:

Ни убавить, ни прибавить
К лику лютого врага...

* * *

Взгромыхнула рать беспощадная.
Не на вздох — на смерть
Жар сеча пошла.
Бьются молодцы за родной очаг,
За луга, поля, потом сдобрены;
А ещё того — за свой кров родной,
За детей своих, за родителей.
Да за дев красу, мил невестушек;
А ещё того пуще пущего
Бьются молодцы
За свой вольный дух
Во свободе жить
В край-Отечестве.

* * *

Ярость ярится негасимая:
Скалит, скрежет зверь
Зубью лютости,
Алчью пышит враг —
сладкий кус урвать
Нет здесь милости,
Нет здесь жалости.
Не привык степняк,
Чтоб его вот так
Привечали бы непокорливо
Остриём меча,
Пикой крепкою.
Сколько хан вокруг

Принудил, кто слаб,
Низко спины гнуть,
Подневольным быть.
А тут, на тебе — супротивиться?!
И кому, урус, в поперечь встаёшь?!
Хану Ханычу?! Повелителю
Всех миров и царств?!
Так вот мы тебя
Пальцем лишь большим
Принакроем чуть,
По траве степной
Мокротой с костями
Поразбрасывам
Под копыть коням.
Ваших дев-то мы
В персик сладких
Во наложницы
Для услуг возьмём —
Старшим жёнам в сыть
Чай заваривать
Да обмякивать
Пух подушечек;
Белым телом нам
Быть усладушкой...
— Ах ты, пёс срамной,
Знать не ведаешь:
Восхотелось лисоньке
Поотведать в сыть
Вкус курятинки —
Да спозналася
С каленой стрелой:
Шубку рыжую
Со хвостом опричь

Посняла с плеча:
— Натe, пользуйтeсь...
Да и косточки,
Псам потешитcя,
Отдала лиса со охотою. —
И тебе бы, враг,
Тать полночная,
Не посеять бы
Кости белые
Со головушкой
Яровым зерном
Поле ратая...

* * *

Ай не скалы друг ко друг
Пошатнулись, покатились
Да и с грохотом
В треске сшиблись.
Ай не чёрных туч
Грома жуткий рык —
Поля то многозвучие.
Ай не молний яркий всплеск
Со высот небес
В ярких высверках —
То мечей в нахлёт
Друг со другом жар.
Ай не стаи хищных птиц
Друга друг тесня,
С пырхом мчатся
По над полюшком —
Стрелы стаями летят
С клювами железными,

В пламени калёными,
Что те псы голодные,
Рыщут добычу себе.
Ни восхода, ни заката —
Всё смешалось:
День ли в ночь,
Толи ночь в полудень жаркий
Не в урочный час вошла.
Толи свет Ярило мраком
Всё в округе позакрыл.
Нет покоя-роздыха.
Пыль стеной стоячей
Туча тучею висит.

Всё в одном клубке кровавом:
Бьётся правый и неправый —
Смерть за смерть
И смерть за жизнь...
Или мы их вон прогоним
Или нас потопчут кони
Чужениновы?!
Ярость ярится
В злобе лютости:
Пики ломаются,
Меч в зазубринах,
Рассыпается
В щепы щит с руки.
Кони с хрипом ржут,
На землю грохаясь
С чёрным всадником
Под стопы сечи.
Не воробок жалких ястреб

Повстречал в налёте алчном —
С соколиной стаей хищник
Грудь на грудь стакнулся.
Распластал враг-ястреб крылья —
Небо светлое застил.
Землю русскую святую
Волк степной со рыком
Тьмою стаи по обширю
Не в разгляд покрыл. —
Несть числа стервятникам,
Несть числа зверью.
И всей стаи той бесчисной
Впоперечь встал русский воин:
Здесь Илюша казакует,
Здесь Добрыня меч свой правит,
Здесь Алёша стрел калёных
Метит в супостата.
Здесь и он, родной мой, сокол —
Воин Светозар.
Хоть и молвится в народе,
Да один не воин в поле —
Это так, но и другая
Молвь идёт по людям:
И один де в поле воин,
Если всех врагов достоин.
Светозар мой вой-орёл
Бьётся недруг зверем лютым
В хищной злобе рвётся
Сладкий кус да отхватить
Пирога чужого.
А тут эвона — рус стеной стоит,
Не даёт собаке-хану
Даже малой пядины.

Страшен. Страшен рус в бою,
Да куда ужасней Хана ярый гнев,
Царская немилость...
Ай да ну как Ханов Хан
Голову поклонит,
Брови понасупит,
Исподлобья взглянет
Да рукой укажет
Нукерам послушным
Не на сто — на тыщу.
Те и расстараются
Милость заслужить:
Голову той тысячи
Что траву ссекут...
Страшен рус, да Хан им бог —
Всяк живот под ним.
Из того ли то из страха,
Что те очумелые

Лезут, прут напором —
нет удержу им.
Из-за дроти́ков не видно
Бела света — мглою мгла:
Боя пахарь сеет смерть.
Распускает коршун когти —
Грудь на грудь с ним рвётся в бой
Сокол мой с мечом погиблым —
Светозар-воитель.
Одного сразил... другого —
Третий с луком изогнулся,
Натянул уж тетеву,
Да копьё опередило
Остриём между лопаток —
Рухнул супостат.
Что упрямую скотину,
Плёткой хльщёт пастырь в отмашь,
Светозар мечом со пикой,
Песнь Перуна соблюдая,
Бьёт налево, бьёт направо —
В круговую пляшет меч
Как взмахнёт рукой с поднизу
Да с подги́ком развернёт
Кверху мельницей́ по кругу —
Не былинки под косою —
Щепью кровавленной
Под рукой, кто скажется
По широку улочку
Снопиками валяются
Гости-захребетники.
Шаг в сторонку, поприсядет
Да пружиною привскочет

И с подкрутом полоснёт,
Глядь — уж переулочек...
Сам кричит:
— За матушку
С лаской разлюбезною
Получай подарочек —
Вкус меча отведай...
Это вот за Марфеньку
Получай гостинчики —
Сладкий кистенёк.
Обещал я батюшке,
Слово дал я матушке,
Ладе, свете-Марфеньке
Тоже говорил,
Что любить вас жаловать,
Гостенёчки милые,
От широкой русской я
Стану от души.
Кистенём да сулею,
Сабелькой, занозиной,
Топором да пикою,
Тем, что есть, уважу вас —
По гостям подарочки,
По гостям периночки;
Ино на палатушки,
Ино в глыбь земли. —
Слово ронит этако,
Этако — с поддёвочкой
И на каждом слове меч
Со плеча размахисто
Ворога разит.

Тако ён сражается
За всех нас, за Отчину
С ястребиной стаею,
Не страшась числа.
Сам весь поизраненый:
Пиками исколотый,
Саблями подрубленный,
Стрелами утыканый,
Что те ёж торчком.
Ан стоит — не рушится
Светозар, как вкопанный,
Бьёт и бьёт без устали
Супостата лютого —
Эвон сколь всех под ноги
Положил в бесчётности... —
Страшен вой врагу.
И откуда силушка,
Сила необорная
Держит крепко молодца —
Не даёт упасть?!
А та сила в матушке,
Мать-земле отеческой —
Корни Светозаровы
Врезались глубоконько
Предками далёкими
С тех седых времён.
Вот из той глубинушки
Дух славян Росеюшки
Славных праотцов
В сердце воя бранного
Влил святую силушку —
Не даёт упасть.

Сила та и в молодцах,
Что с ним рядом борются
Со плечом плечо,
Со спиной спина,
Со душой душа
В жгут единый скручены,
Волею поручены
Ворогу не пядины —
Не даёт упасть.
Сила та и в зореньках,
В наших чудных ноченьках,
В крепких уз сердечных
Сила нерушимая
Не даёт упасть.
А ещё та силушка,
Сила необорная
В ненависти к ворогу,
Во благой той ярости,
Что огня кузнечного
Жарче жара жаркого,
Жара всепалимого,
Жара неугасного
Не даёт упасть.

* * *

Нет, не буря дубы валит.
Нет, не вихри крыши крушат.
Нет, не воля чародея
Чернобога кашу варит
Из людского сыра-мяса.
Вои с воями смешались,
Вой на вое пир справляет —

Жизнь на пиршеском столе,
Нет и сыти бою.
Захлебнулась Мать-Земля
Чёрной течью вой поганых,
Красной кровью молодцов.
Копья, стрелы, рогатины,
Колья, топоры, дубины;
Руки, ноги, голова,
Даже зубы вражья горла
Ищут и вцепляются.
Всё на всё и все на всех —
Нет здесь никому пощады.
Жизнь здесь всей земли дороже
И дешевле пыли придорожной —
Сила силу бьёт.
Что те волны друг на друга,
Туча вражья чёрной стаей
За другой во след плывёт.
Нет конца и края, нету сметы им.

* * *

То не скалы синих высей
Непреступною стеной —
То родимой Свете-Мати
Свято-русские сыны
Вражьей силе супротив
Встали скальною твердыней,
Встали — не собьёшь.
Каждый вой сражается
Во один на вражью дюжу.
Дюжина сметается —
Ей на смену — две...

А погиблый кто — и тот
Телом заслоняет Русь:
Ноги ворогу путляет —
Не даёт разбега...
Супостату то блазнится,
Что сама земля под ними
Встала на дыбы,
Всяк урус и в смерти — воин,
Не даёт пути...

* * *

Ай не колос в лес стоячий
Ко плечу с плечом встаёт.
Ай не с гор обвалом снежным
Встала перед войском Хана —
Крепость русских воев.
На конях и пешей ходью
Мчит широким половодьем
На подмогу, на защиту
Сила русская течёт.
Всколыхнулася вся Русь
Тем огнём, что гнева пуще —
Местью кровною горит.
Городов и весью по обширью
На погану черну стаю
Соколы слетаются —
С ходу со стервятником
В бой — Отчине жить!!!

* * *

Ай не бабоньки капустку,
Бело-хрустики кочаны —

Рассекает меч горящий
Злыдно нечисть до седла.
В мирность дней
Смирней овечки
Россияне и щедры.
Нам добра с капелечку,
Мы — от пят до темечка —
Не иссохнет ладонь,
Пользуйся — не жалко...
Ну а если уж с мечом
Восхотел земельки нашей —
Мы дадим тебе её
По ноздрю и выше...
Пикой вымерем размер,
Выроем, сколь надо
И... лежи себе, лежи —
Прах твой не встревожим.
Мы земными зипунами
Не обижены — для всех,
Кто земель желает наших —
Всем им хватит в досталь...

* * *

Нет, не ворон подавился
Жарким кусом поля брани.
Нет, не волче, хвост поджавши,
Мчится вон от гончих псов. —
Мчится ворог,
Мчится в страхе,
Всё бросая — быть бы в живе...
А-ла-ла-а-а! Спаси, Аллах!

* * *

Чёрной птицею когтистой,
Лютым зверем беспощадным
К нам война явилась.
Белой птицей — русским духом
С жадной волей — быть свободным
Да не жить в неволе
Чужениновой.
Одержали светозары
Трудную победу.

* * *

Тишина на ратном поле.
Грудь со грудью друг и враг.
Обнявшись в последней доле,
Что те побратимы спят.
Спит и сокол здесь мой ясный —
Не отдал меня врагу,

Что в полон на поруганье,
На чужую срамоту
Нас похерить восхотел.
Не отдали молодцы
Чуженину полюшко,
Не стопгал собака-нечисть
Нашей русской волюшки.
Всем, кто жизнью добывал
Нам победу трудную,
Кто себе покой нашёл
И бессмертие в веках
На тым ратном поле,
Низкий вам поклон и память!
Все они сегодня
Воины христовы,
Воины Перуна —
Славные сыны Матери-Отчизне!
Мы же им помолимся
И они помогут нам —
Духом нас поддержат
В трудный час бессилия...

* * *

По над полем, по над ратным,
Что те стадо чёрной масти
Ходят тучи, грозны тучи
С молоньёй в очах
Да с порыканьем.
А на поле на тым ратном
Что во пору, пору страдну
Под косою ратая, не цветочечки —

Белы косточки поизрублены,
Поиссечены
Каленой стрелой поистреляны...

* * *

Ох ти Свете-Мати,
Всеблагая Русь,
Сколь всего изведала?!
Сколь ещё страдать?!..
Не за морем синиим,
Не за высью горною,
Не в краях чужбинушки,
А у нас — как есть...
Как да было ль — не было
Моря гореванного,
Что слезой горючею,
Горем что, страданьями
До краёв заполненно
Не видать ин берега,
Горю нету краюшка,
Не достанешь дна.
Ты откуда, морюшко,
Собирало слёзоньки?
От какой сторонушки
Боль к тебе текла?

* * *

Как да было ль-не было
Руси-Мать державушки —
Сызмальства до сей поры
Ей дано страдать...
Плачем плачут детушки,

Тянут ручки:
— Хле-е-бушка-а-а! —
Плачем плачут бабоньки —
Закрома пусты...
Хлеб затоптан ворогом
На том поле ратая.
Яровым всё головы
Пахарей-защитников,
Головы врагов
Поле позасеяно.
В каждой кочке кровушка,
В каждой пяди болюшка —
Сколько всех головушек
Всюду полегло?!
Чтоб собрать державушку
Под крыло московии,
Не исчезь загубленных,
Не собрать всех слёз.
Реки зачинаются
От капелей ключиков.
Море дополняется
Полноводьем рек.
Тако Русь по клочечкам
Сбиралась в пядины,
Пяди разросталися
В махову версту...
Много лет в глубь кануло
Прежде чем из дитятки,
Несуразной девочки
Вымахала Русь
Не по былям-небылям,
Не по чьей-то прихоти

Или там из милости
Вышла дева ясная
Из лесных чащоб.
Во поры младенчества
Колыбель вся дитятки
Мати-Свет Росиюшки
Плётками исхлёстана,
Стрелами исстреляна,
Пиками утыкана,
Рублена мечом...
Может над Росеюшкой
Грозные заклатья
За благие помыслы,
За черны дела???
И вся жизнь,
Сколь помнится,
Вся боями полнится —
Скольким всем хотелось
Заарканить Русь!
До чего ж прекрасная
Эта дева ясная
Косами шелковыми
В травах луговых;
Рыбою обильною,
Полноводьем рек
Да с очами синими —
Чистыми озёрами,
Лесом в мах кондовым,
Вольными просторами —
Птицам в недалёт.
А ещё Русь красится

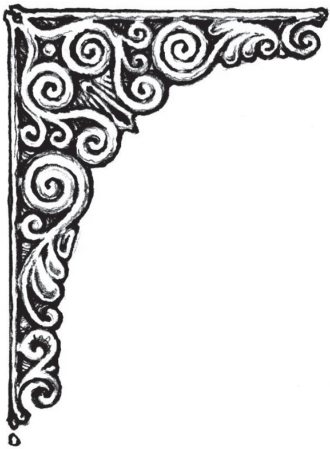
Девами-лебёдками
Молодцами крепкими.
Всех бы их в рабы?...
Рвались к нам варяжские —
Рыцари тевтонские
Варвары расейские
С копьями, с дубинами,
С кулаками голыми
Грудь на грудь в побоищах
Заслонили Русь.
Мчались половецкие
Ханы Русь пограбити —
Варвары расейские
Силой духа вольного,
А ещё того-любовию
Ко своей Отчизне-Родине
Заслонили Русь.
Турки полумесяцем
Корабли расставили —
Варвары расейские
Те рога у месяца
В бездну вод низринули
К рыбам в хоровод.
Сколько их всех ворогов
С четырёх сторонушек
Стаями стервятников
Рвались нас кусить???...
Зубы им повыбили,
Копыта оттяпали,
Руки окультяпали —
Родину спасли.

И вот она — прекрасная
Руси-Мать державушка,
Крепко на ногах стоит.
Не согнутая.
Не покорная,
Духом стать не сломлена,
Волей не порушена —
Вся, как есть, чудесная
Наша синеокая
Всем на диво Р У С Ы!...

СКАЗ
ПРО КУПЕЦКУ ДОЧЬ
АЛЁНУ
ДА ПРО ОБОРОТНЯ
СТЕНЫКУ РАЗИНА

А и было то
Во поры во давние,
Во поры во давние,
Сколь нивесть всех лет
Не за далями,
Даль заморскими,
Не за высями синих гор.
Всё случилось-то
На закате дня
На просторах вод
Близ Росеюшки.
Как по морю сине-синему,
Вольну морю, что без дна,
В непрогляд широкому,
По тому ли морю синему
Да не белая лебёдушка

В водах зыбится,
Со волны да на волну
Перемахиват.
Как по морю — морю синему
Вдоль по ветру на вечер
Из черна корабличек плывёт.
Тот корабличек ни в дереве,
Тот корабличек ни в парусе,
Тот корабличек — кошма
С подседла копытного,
С подседла рысистого,
С подседла коня
По воде тенётой стелется.
А сидит в нём воедино
Сам Степан-от атаман,
Злой разбойник Разин.
Вслед за ним
Всей чёрной стаей
Острогрудые челны
Со весёлою командой,
Со разбойничками.
Шестьдесят их шесть
Без единого
Сам да самого
Их водителя
Атамана Тимофеича,
Тимофеича Степана,
Что Степана
Злыдня Разина.
Где бы ён ни сел,
Где бы ён ни встал,
Где бы ни прошёл —

Всюду оставляет,
Что воитель чужеземный,
Море слёз кипучих,
Болюшек стенания,
Гневные проклятия.

* * *

Был от роду ён когда-то
В церкви божией крещён
Не Степаном, а Михайлой
По церковному численью,
По желанию отца.
Да случилось в раннем детстве —
Ён с родителями ехал
Ранним утречком росяным
Во станицу на базар.
Во степи на их возок
Корачур напал — разбойник
Со своею свитой чёрной.
В драче той короткой,
В драче той погибельной
Сын зубами уцепился,
Что волчонок, в ярости
В руку атаманову.
Корачуру ярь волчонка
По душе пришлась.
И решил ён из мальчонка
Выпестовать зверя.
Что с родителями стало,
Воронье то ведаёт...
Время шло — подрос Михайло,
Крепким стал и злобным.

Ин да с кем ватажишься,
Тем невольно скажешься.
В злобе, хитрости, в коварстве
Всех собратьев переплюнул.
Сердце камнем отвердело,
Разум льдом затмило.

* * *

Атаману то и любо:
«Вырос. Вырос из щенка,
Вижу, волк матёрый.
Будешь мне заместо сына,
Что причиной убит.
Ты отныне не Михайло,
Ты отныне — сын Степан».
Так с тех пор ён
Стал Степаном,
Перевёртыш-оборотень.
Запродал ён душеньку,
Запродал нечистому
За удачи удали
По судам купеческим,
По рыбацким лодочкам,
По дорогам вольным,
Во честных домах.
В дрёмный час полуночи,
В зыбкий час подутренний
С волчьей стаей ён
Стёжками звериными
Выходил на промысел —
Рвать добычу всласть.
Любо-любо молодцу

Видеть слёзы жалкие,
Слушать болей стонушки,
Лить людскую кровь.
Был не раз уж ловлен ён,
Был не раз уж сажён ён
В обручи железные,
С ядрами чугунными
В камни со решётками
Под замки немецкие.
Ото всюду ён
Канет — нет его...
Хоть за руки ты схвати,
Спеленай цепями —
Не удержишь, что ни делай:
По тебе букашечкой,
А не то, так облачком,
Щукой, чёрным вороном,
Кой угодно тварею
Сможет этот оборотень
Превратиться вдруг.
А не то ён даст себя,
Посмеха лишь ради,
Опясать шею цепью,
Посадить в глубокую яму
Да закрыть плитой гранитной —
Мышка и то не сбежит.
На кошму ён сядет там,
Пообщупает вокруг
Да и плюнет под себя.
Тут же мутная вода
Разольётся вкруг его
И сквозь стены по воде

На кошке кораблике
В щель букашкой вплывёт,
В некуда умчится...
Был — и нет его.

* * *

Колдовскими чарами
За продажну душеньку
Наградила Разина
Нечисть греховодная —
Делай, что хочю.
У того ли у Степана
Лишь одна заботушка,
Лишь одно желание —
Вольну волю правити
Во черных делах.
Что ему покорушки,
Что ему проклятия,
Что ему опричина,
Что ему сам царь!

На покорушки — усмешки,
На проклятия — потешки,
На царя с опричниной
Воровская злобь...

* * *

Как по морю сине-синему
На закате дня
На своём кораблике
Разин вороном сидит,
В сторону полудену
Ястребом глядит —
Не видать ли каравана,
Что из стран диковинных
Во родню сторонушку
В парусах раздутых
Птицей белую спешит.
Чать, корабль купеческий
Полон добра всякого:
Тканей, злата, серебра -
Кольца, бусы, серьги,
Разнаряды в бархате
И дамасской стали сабли —
В сундуках-схороночках
Под замки попрятаны...
Будет, будет, чем волчатам
Распотешится.

* * *

На багряном на закате
Мчит купеческий кораблик,
Мчит домой из дальних стран,

Где чудес хоть и немало,
Одного недоставало —
Негде лба перекрестить,
Да родную речь услышать,
В жаркой бане нечисть смыть.
Сам купец сидит на бочке
Полной зелья ароматна.
В сундуках шелка, наряды,
Жемчуга, сапфиры, яхонт
Да в посуде тонкий фарфор,
Всякой пряности обильно —
Всех не счесть диковин чудных
От ларцов до птиц павлинов,
Обезьянок чудь-зверушек
И, конечно, разнарядов
На любой на дамский вкус.
А в особом скрынь-ларце
Приданое дочки.
Все товары нарасхват,
Все в цене немалой.
Будет. Будет спрос...

* * *

Но прекрасней всех товаров —
Серебра, камней горящих,
Корабля всего дороже
Есть жемчужина одна.
За неё султан султанов
Предлагал купцу немало
Злата, серебра, каменьев,
Птиц, зверей и двух слонов,
Танцовщиц, наложниц, слуг,

Много всех других услуг,
Хоть гарем весь забирай —
Да продай иль подари
Мне Алёнушку ты, дочку...
А тут, на тебе — вот нет,
Нет, как нет — и точка.
Не привык султан, чтоб так,
Чтоб ему да отказали
На каприз его желаний
После долгих уговоров,
Ущений и угроз,
Хитрых всех сплетений,
Даже — похищений...
Глупо это или нет —
Наш купец не сдался.
Тот султан тому смутился,
Вроде, как опешил...
Во своём во кресле золочёном,
Что над всеми возвышался
Повернул чалму направо,
Повернул чалму налево —
Оглядел визирей строго,
Те к подножию свалились,
Что мешки с костями на пол...
Поднизь глянул на купца,
Брови чёрные повёл,
Рот округло распахнул...
— Как так можно отказать?!
И кому?! Ты мне?! Султану,
Повелителю подлунной,
Кто Аллаха волю правит
В странах правоверных !?

Как такое может случиться,
Чтоб султану да перечить !?
Как посмел ты, раб нечистых,
Как посмел сказать мне «нет»?
Разъярился чалмоносец
Обнажил босой свой череп
И чалму в драгих каменьях
В отмах грохнул на ковёр,
На губах в белесой пене
Повоспучился пузырь.
— Шайтана побрал бы русских...
Не купился сед купец
На товары дорогие,
На угрозы басурманов
Ни на столечко-на столько
Не продался, не сгубил
Христианску душу.
Дочку вызволил и ночью
Со дворца того сбежал...

* * *

Слава Богу, наконец-то,
Ён на судне на своём —
Надувает ветер парус
В православную сторонку.
Сам купец, беды не чуя,
Солнцу бороду разлапил,
Ветру ластится, прищурясь,
Как в лесу ён под берёзкой
На замшелом на пенёчке,
Здесь на бочке всласть сидит.
Рядом с ним Алёнушка,

Что те бел-лебёдушка:
Не высока и не низка,
Ни толста и ни тонка —
Крепкой кости скроена;
Зорькой утренней умыто
Нежно-розово лицо,
Медвежатка созорничал —
В глазки девичьи лизнул,
След коричневый оставил.
Косу ночь ей заплетала,
В губы вишенка сорвалась,
Носик месяц подзагнул,
Уши — розы лепесточки
И точёный подбородок
С малой ямочкой в серёдке —
Остальное от лебёдки:
Шейка, грудь и белы ручки.
А подвижна, хлопотлива,
Что те белочка на ветке.
А сметлива, ох сметлива
В переделочках во всяких,
Где отец порой споткнётся
Во делах своих купецких,
Дочка вывернет, как надо.
Для неё в последний раз
Стариной тряхнул купец —
В страны южные направил
За приданным караван.
Дочь слезами умалила
Старика с собою взять.
Хоть в душе своей не раз
Сам себя старик корил.

Э, да что там, слава Богу.
Чёрт не взял, шайтан не съел.
Дочка с ним, товар при нём,
Берег близок, там и дом.
Через месяц свадьба дочки.
Знать, заждался их жених...
Скоро. Скоро на коленях
Внука будет дед качать.

* * *

Всё о ней и то, что в ней
Знал, как будто бы старик...
Одного лишь ён не ведал,
Что когда-то, в малых годах
Посетили дочку феи,
Белы ангелы её.
И по милости небесной,
Тихо вея над колыбкой,
Что те песней колыбельной,
Обласкали спящее дитя —
Наградили даром чудным
Понимать язык природы
Да умением сливаться
Или, попросту сказать,
Кем угодно свет-Алёна
Во добро и от беды
Может мигом превратиться —
Птицей, рыбкой или львицей
Да и всем, что есть вокруг
На земле и в небесах...
И не раз она дивила
На гуляниях подружек,
Объясняя говор птиц,

Шёпот трав, кузнечка песни,
Даже думы синих скал.
А не то — вдруг пропадала
И...на шеях мил-подружек
Лентой синего тумана
В зной прохладою садилась.
Смех — от рядом, а глазами
Не видать им озорницы.
Девы набожно крестились
И чурались наважденью...
А она вдруг — тут как тут.
То-то было ахов, охов,
Пересмешечек, забав.
По ночам, когда все спали,
Лёна бабочкой порхала
Над цветущими лугами,
Над озёрами голубкой,
Над горами соколицей,
А к рассвету возвращалась
Во светёлочку девицей.

А ещё — она читала,
На кого ни взглянет, мысли.
Души всех, что окна настезь
Были перед ней открыты...
Да никто об этой тайне
До сих пор не ведал,
И не ведал способа,
Как из заточения
Ямы басурмановой
Выпорхнула пташкою
Наша дева ясная,
Чистая, лучистая —
Узилища мрачного,
Как покинула она...

* * *

Дочь на палубе стоит
Позади отца, на плечи
Руки белые ему
Положила, смотрит
В высь: коршун кружит...
— Ох, не зря здесь хищник вьётся,
Чует чёрные пёс добычу...
Чайки пронеслись со стоном.
И слышала Алёна
В их протяжном крике
Упреждение беды:
Там, на чёлнах острогрудых,
На кораблике — кошме
Им на встречу режут волны
Шестьдесят всех шесть
Злыдь-разбойников

С атаманом во главе,
Со Степаном душегубцем,
Тимофеичем — убийцей,
С беспощадным Разином.

* * *

Ай, не гусенька вскричала криком,
Чуя над собой беду,
Хищна ястреба когтиста.
Звонким голосом воззвала
Свет-Алёна ко отцу:
«Гой, ты гой, мой батюшка!
Гой, ты гой, родитель мой!
Не сидеть бы сиднем нам,
Не засиживать беду!
Ай, не туча споднебесья
К нам да грозная спешит
Да не волны в столб стоячи
Чёрной бездною грозят.
На беду нам неминучу,
На кровавый смертный бой
К нам спешит сам Стенька Разин
Во товарищах своих».
Свет-Алёна, дочь купецка
Словом спешным да тревожным
Взговорила жаром жарким,
Плечи старого тряся:
«Ну же, ну же, батюшка,
Встань на резвы ноженьки,
Встань да зычным зыком что
Словом молви братушкам,
Корабельщикам — матросам

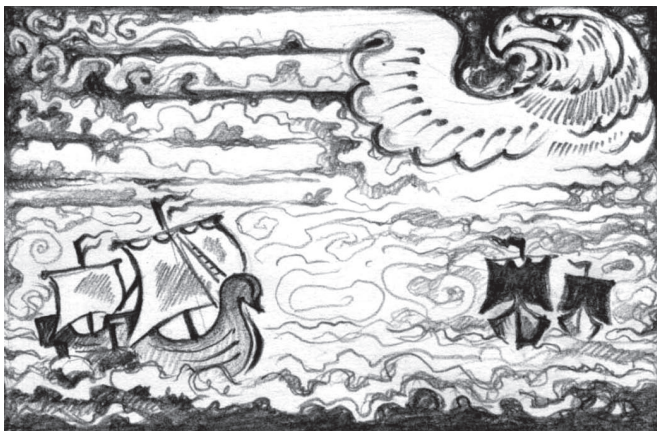

Скорым словом повели —
Вынимали б сабельки,
Наполняли б порохом
Ружья самострельные,
Забивали б пулями
Дула длинноствольные —
Всё для боя брали бы
Во спасение своё.
Ай, спешит на встречу нам
Чёрный коршун — Сам Степан,
Атаман, бес Тимофеевич —
Злых разбойников вожак
На поживочку на лёгку
На купеческий корабль.
Шестьдесят всех шесть
Лиходеев тех
С саблями, с ножами,
С огневищем смертным.
Все с бездонными мешками
Для добычи лёгкой».

* * *

Встал купец на резвы ножки,
Зычно гаркнул: «Гой, братушки,
Гой, мне верные товарищи!
Вынимайте сабельки
Обоюдоострые,
Заряжайте пулями
Ружья самострельные.
Помолитесь Господу.
Грешен кто — покайтесь,
Как не раз бывалача

Перед боем жарким,
И, даст Бог, управимся
Со разбойником Степаном
Во товарищах кровавым,
Христиан воителем,
Душ невинных погубителем.
Помоги нам, Спасе наш,
Защити от неминучей
Нас беды грозящей,
Оборотня — нехрестя,
Не дай под ним нам пасть.

* * *

Угасала зоренька,
Зоренька закатная.
Подлетали ястребы
К кораблю купецкому
За добычей лёгкою.
Так зимой волчищей стая
Обступают кругом ланю,

Пасть ощерив, истекают
Жаркой слюнкой — ждут, когда
Первым ринется вожак.
Шерсть ерошат. Жадным взором
Выбирают вкус посладше,
Где б ловчее уцепиться,
Отхватить кусок побольше
И по ноздри насладиться...
Так и эта хищна стая,
Мастера заплечных дел
Об ночную пору
Вьются в чёлнах,
Вьются кругом,
Раздирая гиком тишь,
Посвистом разбойным —
Ждут команды атамана...

* * *

Взговорил тут Стенька Разин
С рыком, словом грозным:
— Гей! Ты слышишь, капитан?
Волю правь ты здесь мою!
Якорь в воду, паруса
Опустить! И не пытайся
В этой жалкой скорлупе
Скрыться — мы догоним.
В нашей власти твой корабль!
В нашей воле жизнь иль смерть.
Подчиняйся! Если нет —
Пустим вас к акулам в гости.
Исполняй, что я скажу —
Никого не тронем.

Дань плати нам десятиной
Пораздельно за товары
Да не вздумай куралесить —
Не дразни ребяташек,
Не вводи во гнев на грех.
Уплати, как сказано
И свободен ты.
Слышишь что ли, капитан,
Что велит те атаман?

* * *

Десятина десятиной —
То купцу и не в убыток.
Да обидно старику
Честь свою порушить
В посмехи — на милость
Разину погану.
Ружья есть
И сабли остры,
И команде не впервой
Со разбойником ручкаться
Меткой пулей,
Пикой, саблей
Жизнь отдать не за товар —
Честь да воля молодецка
Красно-красного цена.

* * *

Как во сине-синем небе
Кружит, кружит коршун хищник —
Ждёт-пождёт свою добычу
На свой сладкий кус.

Как во сине-синем море
Разин кружит вокруг судна
С ястребиной — волчьей стаей,
Рвутся на поживочку,
На свой сладкий кус.
Капитан в себе спокоен:
Что ему до лиходеев? -
Продолжает величаво
Гордой птицею по глади,
Свой корабль путь.
Непокорство капитана
Атаману то в досаду —
Эко, вздумал поперечить,
Так его, раз так...
Сенька посвистом разбойным
Свистнул, гикнул,
Руцёй с саблею взмахнул:
— Поиграем-кось, волчата,
С непокорною командой!
Коль не хочет десятиной —
Всё захватим, всё, что есть,
Да на рее капитана
Вздёрнем для просушки.
Есаул! Давай команду
Кошки — пли! Багры цепляй! —
Лишь успел ён словом
Натравить «волчат» на судно,
Дружный залп с бортов раздался
По черным тем челнокам:
Двадцать ружей взговорили,
Двадцать со единым...
А едино — то Алёна

В атамана сметила.
Двадцать шкур прорвали пули.
Двадцать шкур пошли на дно.
Пуля меткая Алёны
Не пробила грудь Степана —
Смялась пулечка в лепёшку
С гудом шмеля отлетела
В хищный глаз сообщника.
Тот за глаз — и вслед дружкам
В зыбь морскую плюхнул.
Вскрежетал клыками Стенька —
Не по нраву десятина
В пулях, метких молодцев,
Не по нраву, что без страха
Птица ускользает
Из его когтистых лап...
— Ну, уж нет, тому не быть,
Чтоб меня-то да избыть.
Что же, сам ты напросился
На «весёленькие» игры...
Гей, волчата, навалитесь!
Нет пощады никому! —
Ён вскричал, зубами ляскнул,
Саблю в высь и... на корабль
Сам рванулся хищной прытью;
Пальцы когтями покрылись,
Морда вытянулась в пасть
И ощерилась клыками —
Страшен оборотня лик.
Десять ружей напрямую
В грудь ударили ему.
На погибель верную

Мчались пули меткие,
Да хлестнули в камень-грудь —
Все упали, жалкие,
Под ноги ему.
Захлебнулся в смехе лаем
Наш удалый атаман:
— Не возьмёт меня ни пуля,
Ни стрела и ни копьё,
Сабли зубятся на мне
Да частями отлетают,
Ломятся в куски.
Нет той силы человечесьей
Чтоб меня да одолеть! —
Сам себя ён восхваляет,
Сам себе возносит славу.
Да и что его возьмёт,
Коль союз своею кровью
Ён с нечистым подписал:
Душу продал, родных предал
Ён в разбоях воровских,
Дев бесчестил окаянный.
Перед ним и стар, и мал
Милостей бы ждал напрасно.
А уж как любил ён форсом
Золотую пыль пускать —
Разнарядится бывало:
Побрякушки понацепит
Те, что блёски
И портянки бархатны
В ноги этак взденет,
Чтоб они, портянки те,
Вслед за ним сажений на пять

Волочились по земле,
Де мол, знайте наших... —
Что его возьмёт!?

* * *

То не чайки стоном стонут,
Вопль разносят по волнам
Да не львов в свирепой драке
С волчьей стаяй грозны рыки.
То плечо к плечу сомкнулись,
Встали в круг купца с Алёной,
Корабельщики воюют
Нерушимую заградой
Против скоков разинцев.
Те разбойники свирепо,
Что те псы, с цепи сорвавшись,
Нападают бесшабашно.
Им оно давно в привычку —
Лить людскую кровь
За ничтожную добычу.
И они боятся смерти,
Но свирепость люта
Стеньки Разина страшней.
Грохот, стоны, крики, звоны,
Посвист, вопли и проклятья... —
Солнцу срамно всё то слушать,
Солнцу срамно всё то видеть —
Ход к закату свой торопит.
Только коршун рад той сече,
Распластавши крылья, кружит,
Тут же стая воронья,
Кровь горячую учуя,

Высоко на мачты села :
Ждёт своей поживы.
Справа, слева бой кровавый,
А Степан в своей ухмылке
Озирает ярость кровоточия.
Для него — сладчайший миг
Видеть, как волчата
Рвут добычу — ланюшку...
Ён кричит:
— Купца не трогать!
Мой ён! Мой! Его я сам
Трап пахать заставлю носом! —
Сквозь бойцов сечи жестокой
К старику Степан прорвался.
Шаг ступить — и ён у ног
Капитана встанет,
Да не в силах злой разбойник
Роковой свой сделать шаг...

* * *

Дед по-прежнему на бочке,
Не шелохнувшись, сидит,
Со тревогой озирает
Бой команды со врагом.
Рядом с ним Алёна,
Что струна натянута
Или тетива;
Щёчки, лобик побелели,
Тонки пальчики в кулак
Сжали кружево платка.
Что-то тихо шепчут губы,
Толь молитву, толь заклятье...

А кругом пальба гремит,
Сабля с саблею звенит,
Высекая искры;
Нож ласкается с ножом —
Кто кого нежнее
В грудь противника войдёт,
Пощекочет рёбра,
И тела сплетаются в клубок,
Что те змеи в брачный час...
Да не слышит красна дева
Грохота паления,
Да не видит дева ясна
Суеты сражения.
Жгучей молнией вонзился
В лютый лоб с подлобья Стеньки,
Что сквозь пули, сабли, огни
Рвётся к ним со рыканьем,
В чёрной ярости пуская
Пузырями пену белу.
Что пантера с рыком,
В круг заветный прынул ён,
Шаг, другой и сабля
Песню с посвистом споёт,
Отходную капитану.
Так-то так, да роковой
Шаг не в силах сотворить:
Перед ним стена стеной,
Да невидима никем,
А на ощуп — вот она,
Не даёт ступить —
Кару сотворить
Над упрямым капитаном.

Пулей стену не пробьёшь,
Не проткнёшь и пикой,
Саблей вкупе, что скалу,
Не прорубишь...
— Что за наваждение?..
Что за чудо за такое? —
Удивляется Степан.
Смотрит пристально на деву
И не в силах глаз отвести —
Зачарован ликом.
Тихо гаснет ярость мести,
Злоба испаряется,
Отродясь ещё такого
С ним, сколь помнит, не случилось.
Ён стоит, как вкопанный,
Смотрит, смотрит ошалело.
Вдруг неожиданно слышит Слово,
Не от девы — от Небес:
— Раб презренный,
Как посмел ты
Дерзновенно и бесстыдно
Покуситься на корабль,
На людей моих
Благословленных!?
Прочь изыди, кровожадный,
Греховодник, с корабля!
Прекрати сечу неправу!
Слышь! Немедля прекрати!
Аль ты думаешь, безбожник,
На тебя управы нет!?
Что ж ты медлишь?
Иль оглох ты?

Волю неба исполняй! —
И разбойник, вот уж чудо,
Подчиняется приказу,
Не без страха в небо глядя...
Он не ведал, что Алёна
Говорить умела чревом
Безо всякого движенья
Губ и языка.
И Степан, покорный воле,
С небесами ведь не спорят,
Трижды свистнул,
Трижды гикнул —
То сигнал грабителям
Драчу прекратить.
Бой затих.
На атамана
Смотрят все — что дальше будет?..
А Степан оторопело,
Будто кол сглотнул, стоит,
От девчонки взгляд свой дикий
Оторвать не может.
— Иль она приворожила
Колдовством своим меня?..
Не понятно.
Толь сглотнуть её ён хочет,
Толи очарован,
Иль она его, как муху,
Острым взглядом пригвоздила?..
Смотрят прямо друг во друга:
Взгляд Степана — клюв вороний,
Что у трупa глаз клюёт.
Взгляд Алёны — правосудье

С укоризненной суровью.
Тишина — все замерли вокруг...
Вдруг насмешкой раздался:
— Гляньте, братцы, атаман
Пристегнулся к бабьей юбке,
Что те жук навозный, влип!
Вот умора! Ха-ха-ха!..
Атаман очнулся вроде,
Что собака из воды,
Стёпка тулицем протряся.
Сам себе дивится ён:
— Что ли баб не ведал я?
Чем она от них отлична? —
То же всё, что и во всех,
Кто отдал своё мне тело
На мою усладу.
Уж они-то повиднее,
Пороскошней, понежнее
Этой пигалицы... Тьфу! —
И своим бесстыжим взглядом,
Словно в нагость раздевает
Свет-Алёну, усмехаясь...
А она стоит не робко,
Не ягнёнок перед ним:
Перед ним — Сам Ангел чести,
Перед ним его судья!
Взглядом строгим и суровым
Оглядела свет-Алёна
Дерзновенного Степана.
Видит — ярость закипает...
Видит — когти распускает...
Миг — и ён рванётся к ней,

В поперечь её схватить
И... за борт, на кормы рыбам,
А отца на рее вздёрнуть
На забаву псам голодным,
Шатии разбойничьей...
Пасть расщерил ён, присел,
Чтоб с подскоку к ней рвануться
И в прыжке её подмять...
Вдруг с размаху, хлеще плётки,
Резанул тишь девы смех:
— Ха-ха-ха да ха-ха-ха!
Атаман оторопел...
Сколько жертв к нему ладони
Простирали на коленях
И, как Бога, умоляли
Перед смертью неминучей
О своём спасении.
И никто ещё ни разу
Не посмел ему в глаза,
Что те палку в зубы псу,
Бросить смерти смех.
Ён на деву, удивленный,
Грозно свой уставил взор.
Не страшася зла лютого,
Подошла к нему Алёна
И с лукавинкой сказала
Зверю таковы слова:
— Что ж ты, Стёпушка-разбойник,
На корабль наш махонький
Напустил такую рать,
Что волков голодных стаю
На косулю беззащитну?

Аль силён ты только в своре,
По себе сам заяц ты? —
Сколько вдов оставил слёзных? —
Сколько душ извёл девичьих? —
Сколько кровушки испил ты
Христиан честных, губитель? ..
Кто ты, Стёпа? Кто по крови?
Кто тебя таким вот сделал?
Может, Стёпушка, ты нехристь,
Басурманин — супостат,
Что России злейший враг? ..
Кто ты? Ну же... Кто ты? ..
Знать, слуга ты Сатаны,
Что льёт кровушку напрасно
Мил Отчества сынов —
Кто ты!? Кто!? ..
Пусть моя последней станет
Кровь заклатья на тебе,
Если сможешь одолеть ты
Деву чистую пред Богом,
Забирай корабль без боя —
В нём приданное моё,
Коль не мне, тебе сгодится —
В платье девы обрядиться:
В подвенчалное моё...
Для тебя оно не в стыд,
Чей угодно принять вид.
И дружкам нарядов хватит:
Шляпок, юбок и румян...
Ну, а если не поймаешь,
Не достанешь ты меня
И не справишься со мною,

Уходи с моей дороги
Со компанией своей.
Сам в горах сиди, в пещере.
За тобою смерть придёт
И отправит в ад кипучий
За грехи твои безмерны —
По тебе лишь там и быть-то.
Что же ждёшь ты? — ну же, прыгай,
Ведь ходить ты разучился,
Зверь косматый, или плёткой
Мне тебя подшевелить?
И, как прежде, резанула
Вдоль и поперёк Степана
Посмехом своим в издёвку —
Злобой сердце заточила
Дева в полу-человеке.

* * *

Атаман взъярился, прыгнул
На девицу хищной рысью,
Когти на лету расщерив.
Тут Алёна мигом в каплю
Обернулась и скатилась
В волны моря синего.
Юркой рыбкой в море стала.
Прыганул с борта и Разин -
В щуку превратился ён
И... за рыбкой,
По воде хвостом ударив,
Припустил, оскалив зубы.
Рыбка в глубь — за нею щука,
Рассекая воды, мчится.
В травку рыбка — щука тоже.

Рыбка в узенькую шелку
Меж камней стрелою — юрк.
Щука змейкой обернулась —
В камни ринулась гадюка —
Зубы полны ядом.
Подсобралась змеюка
И в прыжке последнем хочет
Рыбку вольную схватить.
И схватила бы хитрюга
В том прыжке последнем рыбку,
Да Алёна исхитрилась —
Вмиг икринкою за камень —
Скрылась.
А змея за нею вслед,
Ищет рыбку — рыбки нет.
Гулеванною волной
Свет-Алёна стала.
С грозным рёвом
В белых гребнях
Мчит по ветру синь волна.
Ей бы в берег только ткнуться,
О песочек потереться —
Станет вновь она девицей,
Распрекрасною Алёной.
Да Степан, колдун проклятый,
Упредил волну морскую —
Ён скалой гранитной вырос
На её пути.
Ждёт, когда она волною
Разобьёт себя о камни.
Вольный ветер, завывая,
Гонит ту скалу на камни.
Бег волны не остановишь —

Вслед за ней другие мчат
Волны с пеной в рокоте —
Не дадут они Алёне
В сторону направить бег.
Уж скала над ней нависла,
Гибель девы — вот она...
Но волна свернулась птицей,
Ни какой-нибудь — орлицей
Взмыла дева в облака.
Злой колдун, разбойник Разин
Тоже взмыть орлом всхотел —
Чёрным ястребом взлетел.
(У кого душа какая,
В том и птица по нему —
Все мы люди, молвить кстати,
Да не все орлиной стати).
Ястребиная натура
В Стеньке Разине сидит,
Где ему с орлом равняться,
Высшей стати домогаться —
Как шакалу львом не слыть,
Так ему орлом не быть.

Не успел наш ястреб крылья
Распластать и круга сделать,
Как орлица грудь на грудь
В бой с стервятником вступила,
Цепко крылья обхватила,
Под себя его подмяла
И в пучину камнем рушит.
На последнем издыханье
Ён с мольбой к ней обратился:
— Не губи меня, орлица.
Победила ты — так быть:
Мне в разбоях не ходить.
Сотоварищей набегов
Распущу, а сам уйду
В горы доживать свой век...

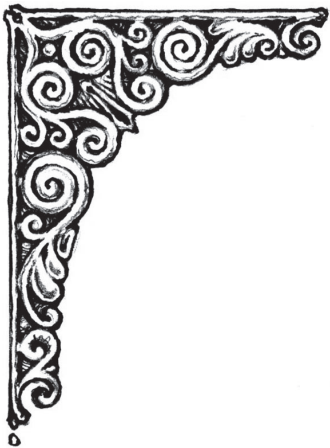
* * *

Так оно и стало:
Шать разбойников пропала.
В чёрной славе на бесславье
(По молве) закончил жизнь,
Что те зверь, в пещере Розин —
Кровопийца атаман.

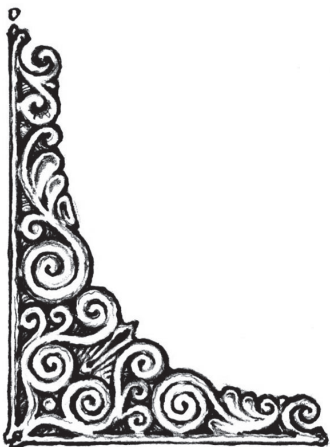
* * *

Продолжает жизнь Алёна
Многолетия веков
В детях милых —
В русских славных богатырях.

СКАЗ
◊
БАЙКАЛЕ

Перед тобой седой Байкал,
Много он в себя вобрал
Дивных тайн тысячелетий
Да таких, что в целом свете
Ты и видом не видал,
Ты и слыхом не слышал.
Хоть в летах Байкал и стар,
Всё ж могуч в нем божий дар:
Богатырь не побежденный,
Муж никем непревзойденный,
Что на стать в своих плечах,
Что со временем в сечах.
Ни года и ни столетья,
Никакие лихолетья
Не смогли Байкал сломить
Да в ничтожность осрамить.
Всё в нем живо и красиво,
Мудро добро и не льстиво.
Как нельзя Байкал испить,
Так нельзя перехвалить.
Загляни ему ты в душу,
Изнутри его послушай...
Диву дашься, что умом
Не охватишь и гужом.
Столь всего богатств несметных,
С виду вроде неприметных,
Он в груди своей таит —
Весь Байкал на том стоит.

А мальчонка между тем
Рос на удивление всем.
Где там год — недели, сутки —
На глазах у всех в минутки:
В первый час он гульки пел,
На второй за стол уж сел,
Там он встал и в дверь к мальчишкам...
— Вот такой он наш сынишка, —
Говорит Отец, а Мать: —
Как нам чадушку назвать?
Долго думали, искали,
Имена все перебрали:
Улунтуй, Егхе -Уван,
Есть Ильчир, есть Зарисан...
Но сколь думы не ломали,
Имя так не подобрали.
К счастью, к ним зашел мудрец...
— Вот что, — говорит, — отец,
Вы друг друга не бодайте —
Половиночки отдайте
Каждый из своих имен —
Вот и будет назван он. —
Как отец, и мать не стала
Возражать, чтоб он Байкалом
Назывался. С тех-то пор
Имя это не в покор,
На века: и в честь и славу
Величается по праву
Сыном матушки земли.

* * *

В людях быстро время мчится.
Не успеет час родиться,
Как другой уж тычет в бок:
— Дай мне места, мил дружок. —
А уж дни летят, как птицы...
Так чего ж тому дивиться,
Что неделю лишь Байкал
Возле матери скакал.
На другую он седмицу
На бегу схватил лисицу,
На прыжке поймал орла,
Обогнал в горах козла,
А медведя взял в охапку,
Ясень в лук согнул тугой,
Меч в одной руке, другой
С туч сорвал он стрелы молний,
А за пояс клык драконий
Он заткнул и в лес с отцом
На пушнину за песцом...

* * *

Время было то не наше —
Не по ложке каши с чаши,
По ведру на ложку в рот.
Что ни рот, то быко-глот.
Ну да это только к слову,
Чтоб держать стиха основу.
Ложек не было. Зачем?
Вот зачем та рухлядь всем?
Борщ в ту пору не варили,
Кашей мясо не сорили.

Что поймают — на костер,
Будь то мамонт иль бобер.
Рыба, ягода, коренья
Поедались без сваренья.
Это что? Иное диво,
Где на страх, а где красиво,
Что на ошупь, что на взгляд
Вперемежку и подряд
Всюду бегало, летало
С визгом, хрюком и рыкалом —
Когти, зубы и клыки;
Волки, рыси и быки,
Мамонт, змей там, рысь, пантера —
Все размеры без размеров.
И без страха грозен вид,
А со страхом, так — беги...
Дерева все аховы,
Люди ростом маховы.
Птицы все саженные,
Звери — жуть, скаженные.
Даже наш завзятый клоп
Не вошел бы цапле в зоб.
Время было то иное:
Никого нигде в покое
Зверя зверь не оставлял —
Всяк друг друга поедал,
Человек не исключенье:
Сам себе лишь попеченье,
Жив сегодня — вот и ладно,
Завтра не было б накладно.
Лишь Байкалу всё — равно,
Всё в забаву, всё чудно.

— Ах, как здорово гоняться
За косулей, да обняться
С хищным зверем: кто кого!
В нем играло естество
Шалуна, чей детский разум
Не испытывал ни разу
Страх боли и утрат...
Был Байкал в лесу — пират:
Что понравится — хватает,
Разонравится — бросает.
Ничего он не ценил
И ничем не дорожил.
Одним словом был мальчонка
Чуть ни дитяtko в пеленках.
Что увидит шевелиться,
Так ему ты дай схватится.
Уж не раз отец строжал,
Всякой бякой угрожал.
Так ведь требует вояка:
Покажи ты мне ту бяку...
Непослушный мальчуган,
Хулиган — не хулиган,
Неуёмный и беспечный.
Знал отец, то не навечно...
Сам когда-то был такой,
Забиякой не в покой.
Дни летели и недели.
Детства годы отзвенели.
Стать мужчиною пора
Подошла, как та кора,
Всё лицо пушком покрыло
А Байкалу то не стыло —

Как и в детстве был кипуч,
Так и в юность с тех же круч,
С тем же смехом, с тем же гиком
Мчался, оглашая криком
Лес и доли :
— О-го-го-ооо !
Не боюсь я никого. —
Он не хвастался, а просто
То была живучесть роста
Не изжил он младость лет,
Не погас в нем детства свет —
Дай ему покуролесить,
Как-то так вот почудесить,
Чтобы жуть брала на страх
Где вот трах, а рядом — крах
Зверя пасть, жаровня лавы,
Хоть там что — ему забавы:
Бегать, лазить и нырять,
Глыбы в пропасти швырять.
Сам не знал, куда деть силу...
Так ведь что ему причтило:
Стал он прыгать в облака
Да цеплять их за бока.
Сядет эдак на карачки,
Словно тот петух на драчки,
Подогнется да прыгнёт
И... айда на высь в полет...
Только ветер с рёвом свищет —
Праздно взгляд Байкала ищет.
То всё ладно бы пока,
Что резвится в облаках.
Так ведь вот что он удумал,

Толи в мудрость, толь с безума —
Взял конец он солнца луч
Да смотал его на скруч.
Из луча он скользы сделал.
И лишь зорюшка запела
В золотые пряди струн,
Затаивши дух, и грун
Скользы в руки и... на гору
Поприладил, чтобы в пору,
Подправил, развернул,
Разбежался и... — нырнул
В глубь небесного пространства
Неизвестного гражданства.
— Ух ты ! Ах ты ! — Слышен глас.
Кто кричит? — не видит глаз.
А Байкал с потоком света
Мчится огненной ракетой.
Оглянуться не успел,
Как на что-то где-то сел.
Осмотрелся :
— Мать честная!
Жизнь иная, да какая!..
Рассказать, так не поверишь.
Да и слов тех не проверишь.
Встал Байкал, как истукан,
И виденью тут и там
Небывалому дивится —
Рот в распах, как говорится —
Эвон, глядь, летит слоном
Чудо-юдо, а в вдогон
Крокодил с разверстым зевом...
Э, да что там, справа, слева

Непонятные чудины,
Вроде люди в половины,
Остальное не поймешь,
Толи бык, а толи вошь...
Многоногое, пучеглазое
Всё то полчище дикобразное.
А в ста метрах перед ним
Друг со другом в плотный жим
Не то люди, не то звери,
Аль деревья... Взгляд свой вперил
Перед ним стена стеной,
Будто муж в любви с женой
Обнялися и стоят,
Что-то шумно говорят.
Как деревья — многоруки,
Да не руки — сучья в крюки.
Когти длинные, клыки
В черной пасти зубь-штыки.
Ноги в землю позарыты,
Животы листвою покрыты.
— Что за чудо-чудовина?
Ни растение, ни зверина —
Корни, руки, листья, пасть —
Пальчик сунь в ту пасть — пропасть:
Разорвут на клочья твари.
И во сне страшенны хари.
Не-е-ет, с такими не сыграть —
Эвон их какая рать...
Только им лишь попадешься,
Уж домой не возвернёшься.
А клыкастые деревья
Распушили листья-перья,

Зашумели, заскрипели,
И гнусаво в хрип запели:
— Вот уж диво! Так уж диво!
Прилетела к нам пожива.
Ах, какая сладкая!
Мягкая да гладкая!
Эта чудная пожива!
Раздерём её мы живо
По кусочку всем!
На зубочек всем! —
Руки тянутся к нему...
— Э-э, мне это ни к чему, —
Сам себе Байкал бормочет, —
Оставайся здесь, кто хочет,
Только уж не я...
Мне здесь быть нельзя. —
Ноги в скользы сунул он,
Свистнул, гикнул, да и вон...

* * *

По космическому свету
Полетел и на планету
Им неведомую сел —
В миг он тут же побелел.
Был Байкал полураздетым.
Здесь зима... Зима — не лето.
Как пчела в густистый мёд,
Он покрылся в колкий лёд.
Зуб на зуб не попадает
И дыханья не хватает.
Клящий холод так сковал,
Что Байкала наповал

Положил сосулькой белой —
Всё как будто омертвело.
Что там телом — пальцем он
Шевельнуть совсем не мог.
Тут вдруг чурки ледяные,
Что те бочки лубяные,
Подкатили да... шарах
По Байкалу на весь мах
Голубыми пузырями.
Миг — и стал он волдырями
Покрываться, что те в пух,
Да приятно нежит дух,
Млеет всё от наслажденья,
Мягкой негой ублаженья
Разливается тепло.
Сам он в тонкое стекло
Покрывается, как в бурку,
И, как все, он в ту же чурку
Превратился. Через миг
Он на резвы ноги прыг,
Оглядел окрест и видит —
Существа в престранном виде
Рук культипы съединили,
Принагнулись и... поплыли
По сугробам быстрым катом.
Трое — четверо охватом
Вкруг Байкала и во след
Мчатся с хрусцей на рассвет.
Долго ль, нет ли так катились —
Перед замком очутились.
Дивной прелести дворец —
В серебре весь, а венец

В дорогих камнях сверкает,
Ярким светом озаряет.
Вот ворота отворяют —
Все во двор и двери злат.
Посередь больших палат
Свой покров, как шубы сняли,
То есть — попросту отъяли,
Что со фруктов кожуру
Или с дерева кору.
Наш Байкал тому дивится —
Перед ним одни девицы
Да какие! Слов тех нет.
То живых цветов букет.
Что ни дева — загляденье,
Будто сказок сласть виденье.
В каждом лике зорь рассвет,
Что не видывал бел свет.
Волосы в ручьях струятся,
Пышным облачком клубятся,
Косы длинные до пят
Красят головы девчат.
Как пойдет лебёдкой плавно —
Всё в ней мило, всё забавно.
Лоб, что мрамор, чист, высок,
В завиточечках висок,
Брови радугой пушистой
И ресницы у девицы,
То ли бабочки, то ль птицы,
Будто на цветке сидят,
Кажется, вот-вот взлетят.
А глаза — озёра сини,
Завиток в зрачках павлиний

Перламутра в разный цвет.
Льют глаза свой дивный свет,
Что от сердца тёплой лаской,
Тихой, доброй женской сказкой,
Волшебством они манят —
Много чудного таят.
Атлас щёк нежней рассвета,
Губки, слов сказать тех нету:
То ли ягодкой сорвать,
То ли сладко сцеловать;
Коль сомкнутся — паче гнева,
Будто рык из хищна зева,
Улыбнуться: мати свете!
В губках тех играют дети.
Хочешь — нет, улыбкой сам
Растекёшься по усам.
Нос — не нос, простите, носик,
Что пшеницы яр — колосик,
Не высок, не толст — в размер,
Всем пропорциям пример.
И точёный подборок,
Тоже будто самородок,
Каплей к линии приник
И прилип на вечный миг.
Вместе всё — очарованье,
Млад ли, стар — одно мечтанье...
Он глядит на всех. А те
Как и он — ни бе, ни ме,
Вроде тоже растерялись
Друг со дружкой обнялись,
Родничком журчали речи
И головушки на плечи

Друг ко дружке прислонили,
Взгляды ласкою манили.
Смотрят на Байкала с жаром.
Так ведь сказано недаром:
Красота красу любит,
Красота красу милует,
Стать по стати избирает,
А иначе не бывает.
Ну а если уж случится —
Жабе с лебедем скрутиться
По невольной злыдь судьбе,
Рано ль, поздно ль — быть беде.
Чёрту с Ангелом не быть,
Вместе в связке им не жить.
Девы видят перед ними,
Перед «жалкими» такими
Вот хоть с места не сойти —
Ангел божий во плоти.
Богатырь могучей стати,
Словно вой небесной рати:
Строен, крепок и высок,
Муж в нём зрится — не щенок.
Мышцы волнами бугрятся. —
Так чего ж там притворяться —
Каждой деве в сердце пал
Грёз девичий идеал.
Наш Байкал не промах тоже,
Не из камня — сердцем сложен.
Дев прекрасных длинный ряд
По отдельно и подряд,
Что те лось лосих любит —
Выбирай себе люблюю.

Триста тридцать дев здесь всех —
Будет дома им успех.
Братья всех их разберут,
В жёны за себя возьмут.
А сказать — все те девицы
Не простые в стае птицы —
Королевны всех планет.
Дев прелестных, лучший цвет,
Злой мизгирь, колдун проклятый,
Чародей — паук косматый
Дев в сей замок заманил,
Всё вокруг заледенил,
Чтобы кто чужого братства
Никогда б не смог добраться
И всех пленниц не увёз —
Стражей лютой Дед Мороз.
Как хозяин в этом замке
Держит дев он в строгой рамке,
Что те пойманных в сеть мух —
Так на то он и паук.
Днём он где-то там летает,
А лишь только вечеряет,
С шумом мчится в замок свой —
Тут же с девой на покой.
А нужны ему девицы,
Соком чтобы их упиться —
Свежесть младости сосёт —
Силу их в себя несёт.
Как он делает — не знаю.
Может их он усыпляет,
Иль опойт чемнибудь
Да втыкает клюв им в грудь.

Для возврата их здоровья
В рот им льёт свои снадобья
И в безжизненность девиц
Возвращает свежесть лиц.

* * *

Вот они перед Байкалом.
— Кто ты юноша, — сказала
Дева светлая, — ответь,
Где твоя земная твердь?
Может с Марса иль Венеры?
Преисполнись к нам, друг, веры.
О себе всё расскажи,
Что умеешь покажи...
На тебе лишь поясочек
Да оплечия — кусочек,
А у нас здесь холода,
Царство снега, вьюг и льда.
Мы спасли тебя. За это
Ждем правдивого ответа. —
Всё Байкал им рассказал:
Кто он, как сюда попал.
Показал он девам скользы.
— Много вижу в них я пользы.
Стоит мне на скользы встать —
В край любой смогу слетать.
Ну а вы кто все, девицы?
Знать красы вы поляницы
Сколько видел голубиц,
А таких вот милых лиц
Не встречал. В вас всё на диво,
Удивительно красиво.

Правду молвлю я — не в лесть.
Всяк жених почтёт за честь
Видеть вас своей желанной,
Да и я не против тоже,
Кто мне по сердцу пригожа,
Взять одну из вас женою,
Чтобы век была со мною.
Девы всё ему сказали
Кто они и как попали
Злому чародею в сеть.
— Нам противно здесь сидеть...
— Вот что, милые девицы,
стоит вам лишь согласиться,
Хоть сейчас мы улетим —
Вам не век же быть здесь с ним.
Вас на землю я доставлю,
Не понравится — отправлю,
Всех отправлю по домам.
Что? Согласны? По рукам?
Говорят ему девицы:
— Мы здесь, право, не жилицы.
Нам не долго всем собраться,
Да вот начало смеркаться.
Поздно, юноша, сейчас.
Завтра утром в ранний час,
Ничего коль не случится,
Наш мизгирь лишь в даль умчится,
Мы с тобой все улетим,
А пока что помолчим.
А сейчас тебя мы спрячем
Понадёжнее, иначе
Чародей тебя найдёт —

Колдовством своим убьёт.
Выбирай себе девицу,
Лентой стань в её косицу
И прикрой её плечо
(С луком, стрелами, с мечом).
Плат на пол лишь дева скинет,
Прежний вид ты снова примешь.
Что ж, Байкал поторопись,
В лица наши приглядишься —
Выбирай из нас любую,
Но смотри же — не вслепую:
То судьба на век твоя. —
Он, дыханье затая,
Обошёл их всех по кругу,
Не по лику мил подругу,
Для себя судьбу искал.
— Вот она! — Байкал сказал. —
Сердце мне то подсказало.
И в смущении немало,
Он выводит деву в круг.
Не сказать, чтоб средь подруг
Выделялась дева ликом
И росточком не велика.
Всё же было в ней такое,
Что хватается за живое —
Толь глазища чёрно-сини
Излучали свет святыни,
Толь сиянье доброты —
Символ всякой красоты,
Чистой зорькой разливалось....
— Что, Ангарочка, попалась? —
Слышен добрый смех подруг.

— Вот тебе твой мил супруг.
Ты согласна стать женой? —
Да, согласна. Мне иной,
Кто бы ни был, он — не нужен,
Стану верной другу-мужу
На плече её покатом
Лёг Байкал шелковым платом.
Тишина. Покой и мгла.
Вдруг, как острая игла,
Гром внезапно в тишь вонзился.
Перед девами явился
Страшный видом чародей.
Дев губитель-лиходей:
Плоский, маленький, горбатый,
Длинноуший и носатый
Весь в пупырьках, мхом покрыт.
Глаз во лбу огнём горит.
Восемь лапок с коготками —
Катит по полу прыжками.
Оглядел он дев при свечах.
— Чую запах человечесий.
Без меня здесь кто-то был...
— Был, да след его простыл. —
Узница ему в ответ.
— Заходил какой-то дед.
Про тебя он между прочим
Спрашивал, да мы не очень
Слушали — прогнали прочь.
Нам зачем здесь дед тот в ночь?
— Что за дед? Каков обличьем?
— Он? Да страх как неприличен:
С копытами, с бородой,

Космы до полу, седой.
— То собрат мой. Ну да ладно —
Не застал меня, досадно.
Кстати, мудрый старичок.
Есть пора и на бочок.
Стукнул палкой он об пол —
Перед ним накрытый стол:
Змеи, жабы, скорпионы,
Бел-поганки и тритоны,
Мухоморы и жуки,
Саранча и пауки —
Всё живое, шевелится.
Чародей за стол садится,
Потирает лапки всласть —
Приоткрыл свой клювик с пасть
Да как втянет воздух — свистом
Мигом в рот всё — блюдо чисто.
Только что была здесь куча
Тварей всех лесов дремучих:
Всё как будто ветром сдуло —
Мизгиря живот раздуло.
Кто-то в брюхе том бурчит,
Стонет, квакает, урчит.
Чародей доволен сытью.
Вмиг на лапки скокнул прытью.
И вот диво — был тощёр,
Плоский и, как сук, кривой.
А тут весь он округлился,
В чудный шар преобразился,
Покатил в опочивальню. —
— Я устал. Не до чесальни. —
(То есть комнаты, где он

Блошкам кож давал разгон).
Вот улёгся спать сатрап,
Лишь раздался свист и храп,
Девы мигом всё собрали
И с Байкалом в ночь сбежали,
Не дождались утра —
Ночь спасением мудра.
По космическому свету
Метеором мчит ракета —
Длинная, искристая,
Свет зари лучистая.
Никогда в той теме круч
Не летал столь дивный луч.
А того ещё чудесней —
Визг девичий, смех и песни
Слышен от того луча.
Шлейф звездится в обручах.
Не успели девы страхом
Грудь наполнить: Ох! да Ахом!
Как у них перед глазами
С зеленою да с бирюзами,
С пышной радугой цветов,
Описать — не хватит слов —
Милая земля предстала,
Что опорой твердой стала,
От рождения Байкалу.
У реки Байкал садится.
Девы молвили:
— Годится
Нам для жизни эта твердь,
Ныне будем здесь и впредь.
Лес, озёра и цветы,

И спаситель нас всех ты,
Милый юноша, по нраву
Нам всё то. И уж управу
Чародей здесь не возьмёт,
Да и нас он не найдёт.

* * *

Что задумано Байкалом —
Всё по думке той и стало.
Братьев всех своих собрал.
— Вот что, други, — он сказал. —
Будет вам в себе вариться.
Уж давно пора жениться.
Триста тридцать всех здесь нас.
Дев для сердца и для глаз
Я привёз сюда нам в жёны.
Все житейские препоны
Снимут девы и уют
Нам достойный создадут.
Братья, жён своих любите,
Чтобы не были в обиде
На кого-нибудь из нас —
Не печальте вы их глаз.
Пусть шатры наполнятся детьми
Да похвалятся людьми.
Друг вы друга почитайте,
К жёнам сердце преклоняйте. —
В них опора жизни всей...

Был средь братьев Енисей —
Богатырь по всей по стати.
Надо вот что молвить кстати:

Он не местный вой — сосед.
Здесь бы быть ему не след.
Житель он земли далёкой
Лесодрёмьи глубокой,
Где-то там, где яр закат
Свет уносит и... назад
Возвращается зарёю
Даль — восточной стороною,
Разрушая ночи дремь,
Пробуждая новый день.
Енисей здесь ненароком —
Донесла ему сорока
Или кто, откуда знать —
Нам с ним в горы коз не гнать —
Что как будто в этом крае
Жён-красавиц выбирают,
Что Байкал привёз с небес
Этих самых мил-невест.
И пошел он на удачу
Выбрать деву — не иначе.
— Али я ли не жених?
Разве мне одна из них
Отказать ужо посмеет?!
И кому?! Мне?! Енисею?!
Нет! Того не может быть —
Супротивнику не жить!
Аль, не я ли самый сильный?!
Красотой не я ль умильный?!
Есть ли кто ещё такой,
Кто б сравнялся бы со мной?! —
Он хвалился, глядя в лужу.
— Я лишь девам нужен мужем.

Енисей силён, да горд
И спесив — его в том горб.
Вот он встал перед Байкалом,
Подбородок вверх задрал он...
— Я ваш гость и мне вы кость,
Как собаке бросить в злость,
Не посмеете. Я тоже,
Гоже вам то иль негоже,
Выбрать деву здесь хочу.
Вот кого сейчас схвачу,
Та и будет мне женою.
Не согласен кто со мною —
Меч бери и на скалу.
Вам скажу я не в хвалу:
Равных мне здесь я не знаю.
Потому... — её хватаю!
К Ангаре он подбежал,
В горсти косы... Но Байкал
Со плеча, что было силы
Енисею в челюсть двинул.
Тот и навзничь. Всё же в жом
На кулак косу кругом
Обмотал и держит крепко.
Утопающий за щепку
Так вот схватится, как он:
— Я, Байкал, хоть и сражен,
Но не побеждён тобой
Енисей вскричал: — Со мной
Лучшие мужи в сечи
Богатырские мечи
На моём мече тупили.
Пощадить меня молили.

Знай, Байкал, что взял я руки,
То уж никакие муки
Не заставят рук разжать.
Буду насмерть то держать.
Угрожай мне сколь угодно,
Всё же рано или поздно
Деву уведу домой —
Станет мне она женой.
Я её хочу. Понятно?!
Или я сказал невнятно?
Надо мною господин
Только я себе один.
И того, что пожелаю,
То себе я закамлаю.
Ангара твоя — МОЯ!
Слышал слово ты — МОЯ!
На длину косы девица
Встала гордою орлицей,
В Енисея взгляд в упор,
Взгляд упрёка, взгляд в покор.
Так она ему сказала:
— Никогда женой Байкала
Енисею не владеть,
Как вон ту звезду медведь
Не возьмёт женой в берлогу,
Так и к твоему порогу,
Енисей, ты должен знать —
Мне ногою не ступать.
Только смерть моя с Байкалом
Нас разлучит. Всё сказала.
— Как не так, тебя снесу
Я за эту вот косу!

Засмеялась Ангара:
— Знать, сглотил ты комара,
Чей укус ума лишает.
А подумать не мешает:
Девцам коса — краса,
Да краса та, что роса,
Коль так хочешь, Енисей,
Отдаю косу — владей...
Ангара косу срезала
К глыбе камня привязала.

* * *

В чистом небе свет лазури,
Где следа нет ветра-бури...
Вдруг у всех над головой
Треск раздался громовой.
Скалы рухнули в распад,
Ринул в пропасть камнепад.
Как солдатики, деревья
Наземь падали, коренья
Тетивой рванули ввысь.
Мамонт, львы, косули, рысь
В диком страхе разбежались.
Но ладонь с ладонью сжали
Братья с девами, Байкал —
Всяк на месте устоял;
Смотрят ввысь, а там причудой
Всем неожиданно чудо-юдо
На полнебушка в обхват
Дев прелестниц супостат,
Сам колдун — мизгирь проклятый.
Эвон тучею горбатой

Крылья чёрные простёр,
Водит глазом: глаз — костёр,
Яр-огнищем полыхает,
Свет-лучом земь обегает —
Ищет он своих беглянок
В рощах, в скалах, средь полянок...
Видит — молодцы стоят,
А девиц тех не в прогляд...
— Где они? Куда девались?
Чать поди загостевались
Здесь. Пора вам и домой.
Аль шутить взялись со мной?
Не спущу я вам проделки —
Вот поставлю всех на грелки
Лет так этак на пяток,
Будет вам и прыг, и скок.
Ну же, где вы? Отзовитесь.
Предо мной сюда явитесь.
Нет мне времени вас ждать.
Долг ваш — мне лишь угождать.
А и право, где ж девицы? —
Видит: птицы у водицы
Шумно плещутся, кричат,
Кто признает в них девчат?
Это так, но чародею,
Кто премудростью владеет
Колдовства и волшебства,
Кто слуга у божества,
У владыки чёрных мантий,
Всяких этих мерзких магий
Превращенье дев секрет?
Колдуну в том тайны нет...

И увидел он в тех птицах
Дев, сбежавших от судьбы.
— Вас возьму я без борьбы.
Да и кто мне тут посмеет
Прекословить? Иль имеет
Он бессмертие в себе?
Чтоб со мною да в борьбе?..
Ну да что там ... Эй вы, птахи,
Живо все в свои рубахи
Обряжайтесь и ко мне.
На небесном скакуне,
На драконе вас умчу,
Там ослушниц проучу.
Братья смотрят с удивленьем —
В небе дивное виденье:
Кто есть кто не разберёшь,
Что есть что не вдруг поймёшь;
То ли птица, то ли змей,
Толь неведом чудодей:
Клюв огромный попугая
На полтуши раскрывает,
Саблевидные клыки
В три ряда торчат штыки,
Коготь — сажень, хвост дракона,
Перья крыльев просто брёвна...
Над поляною навис,
Глаз — прожектор смотрит вниз.
Громозвучно он кричит,
Будто зверь какой рычит.
Девы-птицы шейки тянут,
В страхе в высь страшатся глянуть.
Возопили:

— Чароде-ей!
Наш губитель! Наш злодей!
Кто спасёт нас от него?!Неужели никого нету
Чтобы с ним схватиться
И на смерть сразиться?!— Есть! — Байкал сказал. — Сражусь!
Я тебя, гусь, не боюсь! —
Крикнул молодец. — Спускайся!
Колдовства чур не касайся.
Мало чести для тебя
Волшебством разить меня.
Что? Готов ты биться честно?
— Это даже мне прелестно.
— Супротив меня, стручок?..
Я готов на то, дрючок.
— Я тебя лишь коготочком
Подцеплю и на кусочки
Разнесу куда-почём.
— Что ж, попробуй... Я мечом
Здесь с тобой сражаться стану,
Где бы ни был ты, достану.
Что же медлишь ты? Спустишь.
Хоть клыками, а разись! —
Чародей в клубок свернулся —
В тот же миг он обернулся
Великаном. На поляну
Прыгнул скоком. В обезьяну
Превратился Чародей.
— Ах, ты мерзкий лиходей,
Человеком стать не можешь,
Не с твоей поганой рожей

Род людской здесь представлять
Да потомством заселять. —
И Байкал смолистой глиной
Рукоятку облепил
У меча, огнищем длинным
Лапы чудища срубил.
Маг мгновенно в небо взвился —
Не на шутку осердился:
В хруст клыками заскрипел,
От досады мозг вскипел.
— Чтоб меня да Чародея,
Ты посмел мечом содеять?!
Никогда то не спущу,
Ран я этих не прощу.
Будешь знать, с кем в бой стыкаться,
С кем нельзя, с кем можно драться...
Нас так просто не возьмешь...
Первым ты, Байкал, умрешь.
За тобой все братья сгинут —
Не успеют рта разинуть,
Как окажутся все там,
Где их ждать ты будешь сам —
В том вулкане, там на дне
Все сгорите вы в огне.
Аль не я ли злу владыка
Чтоб меня да палкой тыкать?
Мнишь, Байкал, коль отрубил
Лапы мне, так победил?
А вот на тебе — смотри,
Сосчитаю: раз, два, три...
Было две, а стало сколько?
Две на две, еще пол-столько

Да хоть голову снеси —
Мне не в труд вмиг обрести
Две и пять, и сколь угодно.
Разместятся все свободно
С еще большею напастью,
С ненасытной крови пастью.
Ты, Байкал, мне не опасен.
Твой конец, как дня свет, ясен,
Потому причины нет
От тебя скрывать секрет.
Чтоб не тратить сил напрасно,
Знай, меня губить опасно.
Если вдруг меня убьёшь,
Сам для солнца пропадешь.
Братья, как стоят рядами,
Так замрут в горах хребтами.
Жены в реки превратятся —
Жаль, ко мне не возвратятся.
А вот здесь, друг, над тобой
Все заполнится водой,
Шумным морем разливанным.
Будет то твоим курганом.
Слово слышал?! Выбирай!
Жить в горах иль водный край
Станет домом в стане рыб
Средь подводных склизких глыб.
Стоит мне повесть лишь оком.
Как заклатье черным роком
Пораскроет на ширь зев,
На тебя обрушит гнев.
Если дев моих вернете
И с моих путей уйдете,

Что ж живите, так и быть —
Я не стану вам вредить.
Все сказал. Байкал, решайся.
Богатырь в ответ:
— Сражайся!
Дев тебе я не отдам
На расправу. Лучше сам
Сгинь отсюда поздорову,
Не бывать в твоём им крове.
Если нет, приму твой бой,
И не дам чинить разбой.
Вмиг пошла сеча меж ними,
Ладно б, только бы с одними.
Так ведь нет, колдун призвал
В помощь нечистой кагал.
Налетели тучей тучи
Да с небесных кручей кучей
На Байкала одного.
Как не вскрикнуть: Ого-го!...
Всех размеров, всяких видов-
Страх глядеть на тех аспидов...
Крики, хрюки, визги, вой,
Когти, зубья — все шло в бой.
А Байкал? Пред всеми прямо
В мах стоит. Всю тварь упрямо
Рассекает жгуч лучем,
В отмашь бьет чрез плечо,
В круговую плещет солнцем —
Нет ни высей, нет ни донца —
Всех охватывает луч.
Тем луч света и могуч:
Необъятен, быстр и жгуч.

— В суматохе нечисть эта,
Нет в спасенье им просвета —
Всех сжигает луч дотла,
Что те звездная метла.
Кто успел, сбежал на дали,
Только их-то и видали,
Только в далях высоко
Слышен стон их: О-хо-хо...!
Чародей один остался —
Он в тени скалы спасался.
Но лишь свор всех след простыл,
Вот он в яве клюворыл,
Прыгнуть в небо исхитрился...
Богатырь за ним пустился
На луче, другим лучем
Бьёт врага, что тем мечом,
Не дает ему покоя —
Разыгралось сердце воя...
Справа бьет и слева бьет.
— Этот вой меня убьет! —
Взволновалось чудо-юдо:
— Как бы не было мне худа...
а Байкал врага сечёт...
Вот уж кровь черна течёт.
Произнес колдун заклятье —
Жгучий луч ему проклятьем
В глаз вонзился. Дым пошел...
Здесь и гибель враг нашел.
Вмиг то грозное заклятье
Превратило в горы братьев.
Девы в реки обернулись
И к мужьям своим прильнули,

Зажурчали шаловливо.
Где потоком, где разливом,
Молодежь есть молодежь,
Резвость юных не уймешь —
Озорничают игриво.
Все им ново, все красиво.
Енисей, как гость ничей,
Превратился в млад ручей
И помчался в дали струйкой
Серебристою чешуйкой.
У родного там крыльца
Девы ждали молодца —
Мил-богатыря пленили,
Судьбы с ним соединили.
С тех вот пор до наших дней
Там лишь он, свет Енисей.
Так-то так оно, но все же
Ангару забыть не может.
Лента синяя ее
До сих пор всегда при нем.
Нет, не выбросишь из сердца,
Не запрешь огонь тот дверцей...
Уж века прошли, а все же
Енисей забыть не может.
Чаровницу-Ангару,
Что схватил он на юру.

* * *

А Байкал? Что стало с ним?
Как боец — непобедим.
И собой он молодец,
Хоть куда, хоть под венец.

Одним словом — БОГАТЫРЬ,
Что на мах и что на ширь.
Две сажени во плечах.
Со макушки кедрача
Брал горстями резвых белок,
Дергал рысь порой без стрелок.
Э, да что там звери, птицы,
Всё то малые былицы...
Как-то лава из вулкана
Всепалящим океаном
Поползла змеею красной
По ущелью. Миг опасный
Стал для жителей тех гор.
Десять лет тому с тех пор
Минуло, но память крепко
Держит, как опершись в древко,
Смелый юноша метал
Глыбы в лаву... То Байкал
Встал у лавы на пути
И не дал ей здесь пройти.
А однажды ураганом
Над гнездовием орлана
С высей рухнула скала.
А в гнезде малым мала
Два орленка шейки тянут.
Так Байкал куницей прынул
Ко гнезду... Орлят схватил —
И беду предотвратил.
В пук рой подвигов не связан,
Кто за что ему обязан...
А сейчас над ним беда:
Морем хлынула вода,

Да не как-нибудь, а разом
Будто в небе кто всем тазом
Опрокинул туч всех свод
На Байкала тяжесть вод.
Он, конечно, не стоял бы,
А весь груз тех туч поднял бы
И по далям разбросал,
Да заклятием сковал
Чародей той черной силой,
Что Байкалу не под силу.
Много дней и лет лилось.
Но как с давно повелось —
Сколь, какой воде не литься,
Час придет и прекратится
Необузданный поток.
Наконец-то этот срок
Долгожданный! Настежь солнце
Растворило в мир оконце,
Посмотрело вниз, а там —
Не поверило глазам:
Где тайга стеной ходила,
Море волнами бурлило.
А вокруг... в какие поры,
Как грибы, росли бы горы?
Где, когда такое было,
Чтоб земля вот так чудила?!
То равнина, лес густой.
И вдруг, на тебе, водой
На всю тысячу саженей...
Аль Стрибог да впал в скаженье.
— Ничего я не пойму,
Что да как, да почему...

В удивленье солнце запахивало,
Золотой головкой запомахивало.
Это ж надо, ну и ну...
Я до дна не дотяну
Золотого зоркость ока
Ни с под-пряма, ни под-бока...
То для солнышка все темы...
А у нас свои проблемы:
Что с Байкалом? Как он там?
Обратимся к тем векам...
Двадцать пять миллионов лет,
Добра молодца как нет
Ни в горах у самых кручей,
Где ночами дремлют тучи,
Ни в глуши таежных дебрей.
Звери ходят там по стеблям...
Эвон где он — под водой,
Не один, а с Ангарой.
Только воды прекратились,
Молодые в путь пустились
Осмотреть, что, где и как.
В том уже был добрый знак...
Всех их дел и не охватишь,
Многих книг на то не хватит,
Обо всем чтоб рассказать
Да и что-где показать.
Одним словом, богатырь,
Как на даль, так и на ширь
С давних лет владыкой стал
Моря-озера Байкал.
Он, конечно, не один
Над всей водью господин —

С ним, как верная подруга,
Свет — Ангарочка, супруга
Разделяет все заботы
И не лёгкие работы
По охране чистых вод,
Чтобы выход был и вход
Для подруг её речушек,
Триста тридцать всех девчушек.
Так чего ж тому дивиться,
Что величием глядится
Знаменитый наш Байкал. —
Вправе встать на пьедестал
Богатырь непобежденный,
Муж, никем не превзойдённый,
Что на стать в своих плечах,
Что в бесстрашии в сечах!
В мире нет Байкалу равных —
Сам в себе он муж державный.
Сколько миллионов лет
Красит он собою свет:
Глубиною содержанья,
Неразгаданную тайну
В каждой капле он хранит.
Нас величием манит.
Та история стара,
Что Байкал и Ангара
Где-то там, на дне глубоком
Во дворце своём широко
Продолжают вместе жить,
Им там некогда тужить... —
Всё у них есть для покоя.
А не то ночной порою,

А случается и днем
Выйдут на берег вдвоём;
К братьям сходят и к подругам,
Повстречаются друг с другом —
Обо всём поговорят,
Там охоту сотворят,
Обойдут свои владенья
Вот уж, право — загляденье,
Посмотреть на них живьём...
Но, увы, ни в темь, ни днём
Не дано нам видеть чудо.
Только избранным покуда
Изредка являют лик,
Да и то на краткий миг.
Вот ещё что, по поверью,
Кто-то знает, можно ль верить? —
Ангары реки краса
Не сама она — коса,
Длинной лентой растянулась.
А сама она приткнулась
Сердцем к сердцу молодца —
В счастье том им нет конца.
Вот уж много — многолетий
Их любовь в самом расцвете.
Молодцам то указ...
Мы на том закончим сказ.

* * *

Ну а если вдруг кому-то
Повезёт — увидит чудо,
Сам себя Байкал покажет,
Пусть нам всем о том расскажет.

А покажется он тем,
Кто как он, прекрасен всем:
Мыслью, духом, ликом, телом,
Мудрым словом, пользой дела;
Сердцем к людям кто милее,
О природе кто радеет,
Кто душой по детски чист
И святым добром лучист.
Верю, знаю — кто велик,
Тот узрит Байкала лик.
На земле тот не простой:
Человек средь нас — СВЯТОЙ!!!

СОДЕРЖАНИЕ

Сказ про Сокола воителя – мила Светозара 11

Сказ про купецку дочь Алёну да про
оборотня Стеньку Разина 65

Сказ о Байкале 101

Литературно-художественное издание

Виктор Алексеевич Михайлов

СКАЗЫ

Серия

«Фольклор Иркутской области»

Редактор Н.В. Инешина

Художник С.А. Мясников

Виктор Алексеевич Михайлов (Дед) — самобытный писатель из п. Большая Речка (Иркутская обл.) — автор огромного количества пословиц и поговорок, сказов, сказок, песен. Родился Виктор Алексеевич в 1935 году, в Подмоскowie. Рос в детском доме, был усыновлен добрыми людьми по фамилии Дедовы (отсюда его псевдоним — Дед). Но потом ворвавшаяся война-беда исковеркала детскую жизнь: лишила приемных родителей, отняла детство, обрекла на бездомье... Будучи брошен волею судьбы на Урал,

мальчик в течении года странствовал вместе со слепым «каликой переходим» дедом Анисием, ходя от деревни к деревне, где старец исполнял напевные былины и старины под самодельные гусельки.

«В детстве я воспринимал сказки, былины, напевы деда Анисия — как Явь, как самое что ни на есть НАСТОЯЩЕЕ, я в нём жил. А сама действительность казалась мне чем-то досадно «ненастоящим», временным. И так я воспринимаю жизнь до сих пор», — говорит о себе Дед. Видно, от слепого гусяря и воспринята была эта неутолимая тяга к творчеству, к сочинительству и пению, это тонкое чутьё к народному слову, исконному русскому образному речению.

Детдомовский период детства-отрочества, трудный период взросления, а далее — учёба в школе рабочей молодёжи, студенчество в Иркутском университете: первый выпуск отделения журналистики ИГУ, много разных профессий: от лектора, журналиста, учителя — до пастуха... Это подорванное здоровье вносило свои коррективы в трудовую биографию. И в конце концов — I группа инвалидности. Вот тогда остро и неотвратимо встал вопрос: как жить дальше? И ответ явился сам собой: только в творчестве, только в «выражении в слове»... всего накопленного за долгие счастливые и горькие годы странствий, исканий, труда.

Наш современник, сказочник-Дед из Большой Речки, со своими напевными сказами, сказками, пословицами и поговорками — пример связующего звена, соединяющего наше поколение с хранящимися в памяти народной россыпями глубокой мудрости и красоты.